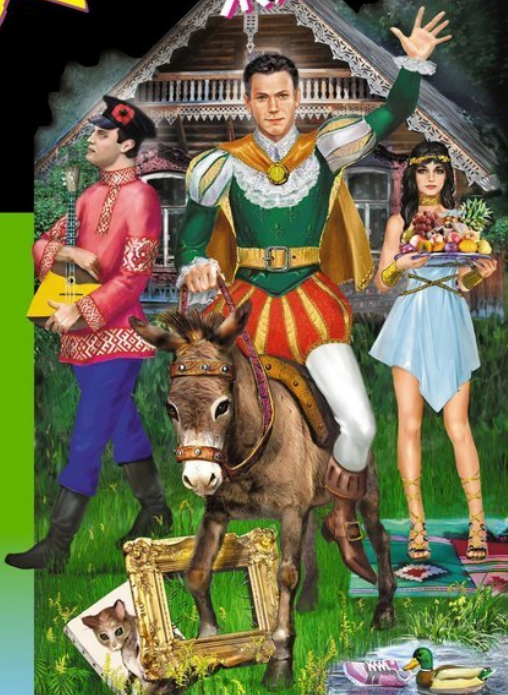

Дарья Донцова

КТО В ЧЕМОДАНЕ
ЖИВЕТ?

А ЖЕНТАЛЬМЕН СЫСКА
Иван Подушкин

Дарья Аркадьевна Донцова Кто в чемодане живет?

Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 23

Серия «Иронический
детектив (ЭКСМО)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204879

*Донцова, Дарья Аркадьевна. Кто в чемодане живет?: Издательство
«Э»; Москва; 2017*

ISBN 978-5-699-98285-1

Аннотация

Николетта – матушка Ивана Подушкина – попросила сына приютить Генри фон Дюпре. Тот приехал в Россию, чтобы найти русскую невесту. И вот гость с огромным чемоданом поселился в офисе детективного агентства, где начинают происходить загадочные события: то раздаются таинственные звуки, то появляются предметы женского туалета, то неопознанный прибор нападает на собаку Демьянку... В это же время к Ивану Павловичу обращается Галина Михайловна Лапина. У нее похитили внучку и просят за нее странный выкуп в размере 160 тысяч рублей. Девочка явно инсценировала свое похищение

– это первая мысль, которая приходит на ум. Погрузившись в расследование, Подушкин недоумевает: чего только в жизни не встретишь – даже династию профессиональных киллеров...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	78
Глава 11	86
Глава 12	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дарья Донцова

Кто в чемодане живет?

© Донцова Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Материнская любовь бывает беспощадной.

– Генри не может жить в гостинице, – щебетала стройная блондинка, которая, несмотря на душный август, была одета в жилет из соболя.

– Конечно, дорогая Анна, – поддакнула Николетта, – в отелях грязно, подушки отвратительно жесткие...

– Ах, Никки, – заломила руки дама, – микробы живут повсюду, но во всяких пансионах страшно другое. Горничные. Официантки. Девки на ресепшен. Последние изучают паспорт постояльца. И что они там видят?

– Что? – заинтересовалась моя маменька.

– Имя: Генри. Фамилия: фон Дюпре, – затрещала Анна. – Понимаешь?

Последний вопрос адресовался мне.

– Боюсь, не совсем, – аккуратно ответил я.

Анна воздела руки к небу. Множество браслетов со сверкающими камнями заискрилось в лучах солнца, бывшего в окно моей квартиры.

– Ох уж эти дети! Вава, ты остался таким же несообразительным, как в детстве. А вот любая девка из obsługi вмиг уши наострит. Фон Дюпре! Деньги! Титул! На Генри враз откроют охоту. А он так наивен, юн, верит людям. Не дай бог, влюбится в шалаву с подносом!

Анна закатила глаза.

– Когда Генри явился на свет и сэр Малькольм, врач, который принимал роды, показал мне долгожданную крошку... Ах! В ту же секунду мой мозг огнедышащей стрелой пронзила мысль! Не дай бог, ребенок женится на официантке! Перед глазами возникло толстое неуклюжее существо. Волосы сожжены перекисью, корни черные, на ногтях облупившийся красный лак, ноги словно ножки у рояля. Не имею ничего против этого музыкального инструмента, но не хочу, чтобы моя невестка на него походила!

Я сидел и натужно улыбался. Огнедышащая стрела, которая пронзила мозг! Поэтичное выражение. Невестка, похожая на рояль... Ох, девушке, которая осмелится подойти к Генри ближе чем на сто метров, не позавидуешь. И чем Анна не угодили официантки? В большинстве своем они симпатичные.

– Ужас! – ахнула Nicolette. – Анна, дорогая, как ты с этим справляешься?

Гостья приложила к вискам ладони, я стал мысленно пересчитывать кольца на ее пальцах и сбился на одиннадцатом.

– Никак, – простонала Анна, – живу в кошмаре. Хорошо тебе, Никки! Вава постарел, но, слава богу, жениться не собирается. Живет себе с камердинером и счастлив.

Я поперхнулся только что поданным Борисом чаем. Ну и ну! На что это намекает Анна? Она считает меня геем? Понимаю, что встречаются люди с нетрадиционной сексуаль-

ной ориентацией, и вполне толерантен к тем, кто не вписывается в общие правила. Среди моих приятелей есть несколько представителей гомосексуального сообщества. Меня не волнует, чем они занимаются в тиши своих спален. Если страсти человека не связаны с совращением малолетних, насилием, открытой пропагандой своих сексуальных утех, то он имеет полное право любить кого хочет. Но сам я, Иван Подушкин, вступаю в связь только с женщинами. Борис – мой помощник по хозяйству, секретарь, компьютерных дел мастер, правая рука в работе. Да, мы живем в одной квартире. Я уже один раз рассказывал, как в моей жизни появился батлер, и повторяться не хочу¹. Кстати! У меня еще есть собака породы «московская уметронашли» по кличке Демьянка. И что? Называть теперь меня зоофилом?

– Вава, ты понимаешь? – простонала Анна.

– Да, – на всякий случай ответил я, временно переставая слушать стенания гостьи.

– Генри лакомый кусочек для любой мерзкой бабенки, – поддакнула моя маменька, – наследник фабрик, заводов, магазинов и еще много чего разного. Жаль, Генри не девочка, он был бы идеальной женой для Вавы.

– И мне хочется видеть рядом с малышом такую супругу, как Ванечка, – не осталась в долгу Анна. – Но раз нам, Никки, такого счастья не видать, то и ждать его бессмысленно.

---

¹ О том, как Иван Павлович познакомился с Борисом, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Авоська с Алмазным фондом».

Спасибо, Вава!

– За что? – спросил я.

Анна, сидевшая рядом со мной на диване, потрепала меня ладошкой по щеке.

– Фу! Колючий. Не забывай бриться, дружок.

– Уже вечер, – зачем-то стал оправдываться я, – непременно привожу себя утром в порядок. Не понял: за что вы меня благодарите?

– Объясняла же тебе, – вздохнула Nicolette, – Вава весь в себе. Сидит, кивает, охает, ахает, а на самом деле заткнул уши воском, как гиперболоид инженера Гарина, и не слушает нас.

Я привычно улыбнулся. У гиперболоида инженера Гарина, устройства, которое в порыве вдохновения придумал писатель Алексей Толстой, не было ушей. А вот у героев поэмы «Одиссея» древнегреческого автора Гомера органы слуха работали. И люди залили их воском, чтобы не попасть в плен к сладкоголосым сиренам. Маменька слегка перепутала литературные произведения.

– Вава! – возмутилась Nicolette. – Вернись к нам.

– И не думал уходить, – удивился я, – сижу на диване.

– Тело твое здесь, – разозлилась маменька, – а голова ушла.

Вот вам пример женской логики. Как это возможно? Организм без мозга не может функционировать.

– Анна, теперь, когда Вава временно выплыл из забвения,

объясни ему еще раз про Генри, – распорядилась Николетта.

Гостья снова усиленно заработала языком, и вскоре я узнал, что мальчику фон Дюпре пора жениться. Анна его доставила из зарубежного имения в столицу и стала водить отпрыска по тусовкам, знакомить с потенциальными женами. Живут сын и мамаша в отеле, сняли целиком этаж. И все бы хорошо, но Густав фон Дюпре, муж Анны и отец парня, велел супруге срочно переехать в другую гостиницу и перестать сватать сына. Он сурово заявил женщине, что Генри должен сам заниматься брачными играми. Госпожа фон Дюпре попыталась спорить, но глава семьи был непреклонен, пообещал за непокорство отключить жене кредитки. Анна вынуждена была подчиниться Густаву. Но как оставить ребенка одного? В отеле? Где тучами роятся официантки с ногами, как ножки у рояля? Одна из жутких особ непременно захомутает мальчика.

На этой стадии рассказа я на секунду перестал улыбаться и опять подумал: материнская любовь бывает беспощадной, она, как татаро-монгольская орда, изрубит в клочья тех, кто встанет у нее на пути. Но в первую очередь от всеохватывающей любви мамаша пострадает тот, на кого она направлена, – обожаемый сынуля.

Анна закашлялась, вместо нее поводя беседа подхватила маменька. И я узнал, что госпожа Дюпре позвонила Николетте, с которой познакомилась в те годы, когда звалась Ньюшей Семеновой, а ее подруга только-только удачно выскочи-

ла замуж за писателя Павла Подушкина. Услышав эту часть повествования, я постарался скрыть удивление. Значит, общению Николетты и Анны много лет. Маменька явно старше подружки, извините, не могу вам сообщить ее точный возраст, поскольку госпожа Адилье столько раз его в паспорте уменьшала, что сама не помнит, когда в реальности явилась на свет божий. Интересно, сколько годков «малышу»? Лет двадцать с небольшим, наверное, раз отец хочет наконец-то отнять его от материнской груди. Анна, похоже, произвела отпрыска на свет далеко не в юном возрасте. Позднего ребенка часто безудержно опекает мамаша, вот папенька и решил приучить отпрыска к самостоятельности.

– Николетта любезно пригласила Генри пожить у себя! – сообщила Анна. – Дорогая, это поступок настоящего друга. Теперь я перестану нервничать.

– Пустяки, ангел мой, – отмахнулась маменька. – Борис! Секретарь возник в гостиной.

– Слушаю вас.

– Немедленно приготовь гостевую комнату, –скомандовала маменька, – туда послезавтра въедет Генри. Новый матрас купи, белье! Все по высшему разряду! Начинай.

Борис скосил взгляд на меня, потом тихо произнес:

– Госпожа Адилье, дайте, пожалуйста, ключи от апартаментов Ивана... то есть от квартиры, где вы сейчас проживаете.

Мне стало грустно. Не так давно Николетте попала в оче-

редной раз шлея под хвост, она бросила своего мужа Владимира и сошлась с человеком по имени Безумный Фред². Матушка хотела оформить развод, но Владимир со слезами на глазах уговорил взбалмошную супругу не принимать резких решений, попросил Николетту остаться в их загородном доме, не заблокировал ее кредитки. Мне всегда казалось, что Владимир мазохист, чем хуже с ним обращается женушка, тем сильнее он ее обожает. Мне отчим очень нравится, я на его стороне, поэтому посоветовал ему:

– Забудь Николетту. Обеспеченный мужчина в расцвете лет легко найдет новую спутницу жизни.

– Нет, Ваня, – грустно произнес Владимир, – кроме Ники, мне никто не нужен. Я отлично изучил характер жены, долго она с этим Безумным не выдержит, у нас опять все будет как прежде.

Я выдохнул.

– Понимаю, – засмеялся отчим, – ты испугался, что они приедут жить в твою квартиру.

– Да, – честно ответил я, – хотя ничего страшного нет. Если это произойдет, я уйду в апартаменты, которые мне достались по наследству от Элеоноры. Не очень далекий путь, только улицу перейти.

– У тебя там офис, – напомнил Владимир.

Я махнул рукой.

---

² Иван Павлович вспоминает историю, которая рассказана в книге Дарьи Донцовой «Астральное тело холостяка».

– Ерунда. В хоромах пять комнат. Одна отведена под кабинет, вторая – гостиная, три свободны. Мы с Борисом и Демьянкой прекрасно там разместимся.

– Не переживай, парень. Никки никуда из нашего особняка не денется, – заверил Владимир, – себе я уже снял дом в соседнем поселке.

Но отчим ошибся, он не принял в расчет Безумного Фреда, который заорал:

– Я не альфонс, чтобы спать в той же кровати, где ты с Володькой обнималась. Деньги его тратить тебе запрещаю.

И завертелась карусель. Маменька с Фредом переехали в мою квартиру, мы с Борисом и Демьянкой перебрались в дом напротив. Николетта торжественно порезала ножницами все свои пластиковые карточки. Безумный радостно объявил:

– Шикарно. Теперь я не чувствую себя жиголо.

И больше не заговаривал о деньгах. Николетте Фред ни копейки не дает, маменька, как встарь, велит мне покупать ей все желаемое. А господин Подушкин ни в чем не отказывает Николетте, потому что у него в руках платежный документ, выданный Владимиром для того, чтобы я исполнял любой каприз его жены. Единственная моя неприятность – переезд в офис детективного агентства. Живу теперь в спальне, которую занимал много лет, будучи секретарем Элеоноры.

– Зачем тебе ключи? – опешила маменька.

– Вы велели приготовить гостевую комнату для господина Дюпре, – терпеливо объяснил Борис.

– Вот и начинай! – рывкнула маменька.

– Генри появится только послезавтра, – быстро уточнила Анна, – рано утром, около полудня. Дружочек, вы успеете сделать комфортную комнатку для ребенка. Дайте номер своего телефона, я вышлю вам интерьер его детской дома. Ничего не придумывайте, просто повторите.

– Устроим вашего мальчика с полным комфортом, – заверил я Анну и протянул руку к Николетте: – Дай ключи, пожалуйста.

– Да зачем? – возмутилась госпожа Адилье.

Жизнь с Николеттой развивает терпение.

– Надо оборудовать комнату, – улыбнулся я, – для этого необходимо...

Николетта не дала мне договорить:

– Отлично! Борис! Генри поселится в бывшей спальне Норы.

Я напрягся.

– Парень будет жить у меня?

– Конечно, – подтвердила Николетта. – А что, есть иной вариант? У тебя вполне удобно, поэтому я спокойно предоставила Анне комнату для ее мальчика. Кстати, надо куда-то деть собаку, она все время громко топает, у Генри от этих ужасных звуков начнется депрессия.

– Что делать? – поинтересовался Борис, когда гости ушли.

– Готовить комнату, – вздохнул я.

– Боюсь, дело связано с большими расходами, – заметил

секретарь.

– Сейчас звякну Владимиру, – пообещал я.

– У вас через полчаса, в пять вечера, клиент, – напомнил Борис.

– Как раз успею поговорить, – кивнул я, – в каждой неприятности есть доля хорошего.

Помощник поднял бровь.

– Я сам смотрю на жизнь оптимистично, но иногда теряю это качество. Не вижу ничего положительного в том, что госпожа Адилье теперь живет в ваших апартаментах, а вы, господин Подушкин, ютитесь в офисе.

Я взял телефон.

– Слово «ютиться» не очень уместно. Я обосновался в пятикомнатных апартаментах. Когда-то мы тут прекрасно существовали вместе, я и Элеонора, ничего не мешало нашей работе детективов. Посмотрите в окно. Что вы видите?

– Сегодня с утра льет проливной дождь, – поморщился Борис, – а сейчас еще и гроза началась.

– Вот-вот, – кивнул я, – если бы я остался жить на прежнем месте, бежать бы мне вскорости в офис и промокнуть до нитки. Но благодаря тому, что я живу в старой квартире, никуда бежать нет необходимости. Вот вам и светлая сторона проблемы.

Борис рассмеялся, и тут же раздался писк домофона.

– Клиент пришел раньше, – уходя в спальню, заметил я, – проводите его в кабинет, угостите кофе, я хочу успеть позво-

нить Владимиру.

Глава 2

– Проблема связана с моей внучкой Ниной пятнадцати лет, – сказала полная женщина в сером платье. – Меня зовут Галина Михайловна Лапина, мой сын Игорь очень рано стал отцом. Я никогда не выходила замуж, поэтому строго воспитывала мальчика, боялась влияния улицы и решила записать сына во все кружки, куда можно ходить бесплатно. К сожалению, советская система досуга детей тогда уже разваливалась, а то, что выросло на ее руинах, требовало больших денег за посещения. Но мне повезло, неподалеку от нашего дома находился спортивный центр, там была одна секция, куда записывали без оплаты. Борьба Карефу.

– Впервые про такую слышу, – признался я.

– Ну а я вообще ничего о драках не знала, – улыбнулась Галина, – но денег-то нет. Игорь придет из школы, она в двух шагах от дома, и как за ним проследить? Уж не помню, были ли в его детстве мобильные. Но я бы точно не смогла сотовый купить. Служила медсестрой в обычной больнице, работа сменная, тяжелая, зарплата – без слез не взглянешь. Клиника скорпомощная, туда обеспеченные люди не идут. Единственная радость – можно еду на кухне взять. Но она такого качества...

Галина Михайловна махнула рукой.

– Чтобы сыну ботинки купить, я хваталась за любую ра-

боту, бегала по домам уколы больным делать, мыть лежачих. Уходила в семь утра, возвращалась за полночь. Мужа у меня не было, родила сына в гражданском браке, любовник отношения не оформил. Ох, это неинтересно. Меня страшило, Игорек растёт, как его от дурной компании уберечь? В школе бесплатную продленку отменили, деньги требовали. А где их взять? Если сама сыном займусь, с голода умрем. Тупик! И вдруг! Иду мимо спортцентра, я туда даже не заглядывала, потому что знала: там только платные занятия. А тут! Объявление: «Тренер Поморов приглашает мальчиков на бесплатные занятия борьбой Карефу. Предпочтение детям из неимущих семей». Я подумала: «Карефу, барефу, марефу – все равно, как драка называется, главное, Игорек какое-то время под наблюдением будет». И вошла в здание.

Лапина расплылась в улыбке.

– Андрей Ильич стал нашим добрым ангелом. Я на него молилась. Каждый день сразу после уроков сын бежал, нет, неся, летел в спортзал. Самым страшным наказанием для него были слова: «Не пуцу на тренировку». Андрей каждый день в центре до ночи сидел, я могла Игорька хоть в одиннадцать забрать. На соревнования он мальчиков возил, они уезжали на несколько дней. Игоречек возвращался счастливый. Сынишка начал побеждать противников, ему за победу давали конверт. Очень нас эти денежки выручали. Еще он подарки притаскивал, один раз даже ковер приволок с восточным сюжетом. Двое всадников гонятся за третьим.

Мальчик очень гордился, что ему вручили подарок, я его на стену повесила. До сих пор ковер жив, где-то в кладовке лежит.

К сожалению, Поморов умер, когда Игорь школу заканчивал, выпускные экзамены сдавал. Инфаркт. Мальчик рыдал, я плакала. Остальные спортсмены тоже слезами обливались. Мы с другими родителями в складчину поминки устроили. Хотели стол у Андрея Ильича дома накрыть и выяснили, что он жилья не имел, снимал комнатку у старухи. Совсем одинокий был мужчина. Остался Игорек без присмотра. И через пару лет случилась беда. У меня была знакомая Марина Сиротина, а у нее двое детей: Анастасия и Антон. Увы, она умерла от пьянства. Я ее не осуждала, у женщины сын пропал, она, правда, и до несчастья любила выпить, но, потеряв паренька, совсем вразнос пошла. Настя иногда ко мне забегала чайку попить. Девушка мне не особенно нравилась, но не гнать же ее, сироту, вон? И вдруг! Заявляется красотка ко мне с животом.

– Здравсте, Галина Михайловна, я скоро рожу от Игоря. Я ей не поверила.

– Что за шутки! Настя, тебе скоро тридцать лет, а Игорь на втором курсе художественного училища. Никогда не поверю в любовь между тобой и моим сыном. Наверное, ты залетела от кого-то из своих папиков. Почему Игорька объектом своей аферы сделала? У нас капитала нет, ступай рыбу в другом пруду ловить.

Галина Михайловна сдвинула брови в одну линию.

– Анастасия постоянно с мужчинами в возрасте время проводила. Вечно за ней бодрые старички на машинах заезжали. Ей толстые кошельки нравились, она со всем рынком переспала, с владельцами палаток. А у Игорька денег пшик. Вернулся сын с занятий, я со смешком ему рассказываю: «Приходила Сиротина, живот до носа. Вот не поверишь, что она придумала!» Игорь меня остановил: «Мама! У нас с Настей дочь вот-вот родится». Я где стояла, там и села. Сутки потом проплакала. Это ж надо так себе жизнь исковеркать! Когда младенец на свет появится, Игореша сам еще ребенком будет. Настя сильно старше. Хитрая, расчетливая змеюка. Сообразила, дрянь, что еще пара лет, и она неликвид рынка платной любви. Дедушкам бабушка за деньги не нужна. У них свои старухи дома сидят. И кто шалаву замуж возьмет? Вот Анастасия и подсуетилась. Мать ее тогда уже спилась и умерла, брат давно не пойми куда пропал.

Галина Михайловна сложила руки на груди.

– Представляете мой восторг? Отличные родственники к нашей семье прибиваются! Расчудесная жена у Игорька намечается. Сын отличник, в школе медаль получил, сразу в институт поступил. Мальчик редкий талант, художник, великолепно рисует. Создал фирму «Красота». Слышали о ней?

– Не довелось, – признался я.

Глава 3

Галина Михайловна расплылась в улыбке.

– Считается, что человек искусства беспомощен в быту. Все эти рассказы про поэтов-писателей, которые из дома в разных ботинках по рассеянности выходят, ключи теряют, чайник вскипятить не способны... Игорь не такой. Он первым додумался соединить вдохновение и бизнес. Многие люди любят шедевры, но кто может их купить? Единицы. И что пришло в голову сыну? Приходите в его мастерскую, говорите, какую картину желаете, и вскоре вам вручат копию, которую от оригинала не отличишь. Полотно состарят, на нем появятся кракелюры, такие трещины, покрывающие старую живопись, сделают любую раму по вашему вкусу.

– Это законно? – усомнился я.

– Абсолютно, – заверила Галина Михайловна, – Игорь никого не обманывает, он предельно честный человек. Сзади на полотне стоит штамп «Копия создана в мастерской «Красота», владелец Лапин». И цена, конечно, за работу не заоблачная. Если пожелаете, можно заказать отличный подарок, например на юбилей. Лицо именинника впишут в известную картину. Правда, оригинально?

– Замечательно, – покривил я душой.

– Игорек создал мастерскую в юные годы, – зачастила Ла-

пина. – Родилась Ниночка, появились немалые расходы. Ну да вы небось знаете, какие деньги в младенца вкладывают. Сколько у вас деток?

– Пока я не стал отцом, – ответил я.

– Ох-ох-ох, – пригорюнилась клиентка, – ну ничего, мужчина не девушка, биологические часы у него не тикают. Еще родятся у вас два сыночка и лапочка дочка.

Я мысленно содрогнулся. Спасибо за пожелание, но я совсем не чадолюбив.

– Мой Игорек... – опять завела Галина.

Я решил остановить бесконечный панегирик.

– Что случилось с Ниной?

Посетительница скривилась.

– Кто мог родиться у шалавы? От крапивы роза не получится. Невестка бросила девочку в младенчестве. Да и до этого не очень-то девица о дочери думала. Приехала из роддома, на следующий вечер мини-юбку нацепила и к двери. Я ей: «Ты куда?» А она: «Надо подругу проведать, не видела ее несколько дней». Я Анастасии вежливо возразила: «Надо дома посидеть. Малышке грудь через каждые три часа нужна». Эта, с позволения сказать, мать бегом на лестницу, крикнула: «Всего на полчасика отлучусь». И заявила под утро. Игорь, когда понял, что женушка не собирается новорожденную кормить, ринулся за бутылочками и смесью. Хорошо, у метро круглосуточная аптека работает. В результате я стала кормящей мамой, шалава гуляла, потом куда-то по-

девалась. Нина росла без матери.

Галина Михайловна схватилась за голову:

– Сколько она у меня крови выпила! Бочку! В пеленках врать начала. Ни слова правды от нее не услышишь. Скажет Нина: «На улице лето», я в окно посмотрю и вижу: за стеклом зима. Девочка лжет как дышит, часто безо всякой надобности, из любви к искусству. Рассказывает охотничьи истории. Правда, учится хорошо, голова ей от отца досталась, а все остальное от матери. Прибежит домой, переоденется и к двери. Я ей:

– Стой, ты куда?

Она в ответ:

– На занятия по живописи.

Рисует хулиганка великолепно, талант от отца унаследовала. Естественно, я отпущу Нину, а через полчаса вспоминаю: в художественной школе она по понедельникам, средам и пятницам занимается, а сегодня четверг!

От бесконечной болтовни пожилой дамы у меня началась морская болезнь.

– Что вы от меня хотите? – спросил я.

Галина Михайловна открыла дорогую кожаную сумку и вынула самый модный нынче мобильный.

– Игорек улетал во Владивосток. Там образовался заказчик, местный олигарх, он пожелал в своем новом доме потолок, как в Сикстинской капелле, расписать.

– Ну и ну, – вырвалось у меня.

– Масштабная работа, – зачастила Лапина. – Клиент пригласил лично Игоря. Тот взял бригаду, и они отправились. Вернется сын в конце августа. Нина, естественно, на мне. Спасибо Игорьку, теперь у нас никаких проблем с деньгами нет. Живем в двухуровневом пентхаусе, прислуги полно. Но у Нины няни нет.

– Конечно, – согласился я, – в пятнадцать лет мамка уже не нужна.

– Ошибаетесь, голубчик, – возразила бабушка, – в подростковом возрасте за детьми следует в десять глаз смотреть, но Игорек всегда был против воспитательниц для девочки, он только мне доверяет. Нина на бабушке. Вот читайте!

Я взял протянутую трубку.

– «Если хотите увидеть внучку живой, приготовьте сто шестьдесят тысяч рублей старыми купюрами. Завтра объясним, где их искать. Не будет денег, уьем Нину». Глупая шутка! Сто шестьдесят тысяч?! Похитители такие мелкие суммы не требуют. Они всегда тщательно планируют преступление, должны знать, что отец Нины обеспеченный человек, который отдаст за ее спасение любую сумму. Требование смахивает на дурной розыгрыш.

Галина Михайловна тяжело вздохнула.

– Поэтому я и пришла к вам, а не помчалась в полицию. Пару дней назад я застала Нину, когда она в моей спальне рылась в шкафу. Можете смеяться, но деньги на хозяйственные расходы я держу на полке в банке из-под печенья. Игорь

мне давно сейф купил, но в жестянке удобнее. И никто из прислуги на казну ни разу не покушался.

– Внучка решила стянуть наличность? – уточнил я. – Она нечиста на руку?

Галина Михайловна скорчила гримасу.

– Как я уже говорила, Нина врет как дышит, непослушная, вредная... Но красть! Ранее этого за ней не замечалось. А тут! Я собралась в поликлинику, спустилась в подъезд, сообразила, что кошелек забыла, вернулась... Внучка стоит у гардероба, коробка открыта, в руке купюры.

– И как девочка объяснила это? – спросил я.

– Понесла чушь, будто в школе собирают деньги на лечение одноклассницы, не хватает восьмидесяти тысяч, – сердито объяснила Галина, – Нина обещала их принести. Я в присутствии вруньи звякнула классной руководительнице. Та подтвердила мои сомнения – все здоровы, никому помощь не требуется. И как Нина себя повела, когда я ее упрекнула в желании меня ограбить? Заплакала, начала умолять о прощении? Как же! Швырнула деньги на пол, заорала... Не могу повторить ее слова, такие даже мужчине произносить неприлично.

– Восемьдесят тысяч, – повторил я, – а в записке требуют сто шестьдесят. Интересно. Где сейчас девочка?

Галина Михайловна сцепила пальцы в замок.

– Вчера утром ушла в школу и не вернулась. Я до полудня ни о чем дурном не думала, но потом позвонила Ири-

на Осиповна, классный руководитель, и спросила: «Нина отсутствовала на занятиях. Она заболела?» Гимназия элитная, платная, там за детьми пристально следят, классы маленькие, по десять-двенадцать человек, каждый ребенок на виду. Я подумала, что нахалка решила прогулять, поэтому ответила: «Легкая простуда».

– Соврали? – улыбнулся я.

Щеки клиентки порозовели.

– Ну... да... понимаю, как это выглядит. Сама упрекаю Нину во лжи, а... Сейчас объясню. Игорь очень строгий отец. Он дочь в ежовых рукавицах держит. За четверки ей здорово влетает, отец говорит: «Я одни пятерки получал, мне дочка-лентяйка не нужна». Как-то раз Нина сбежала с уроков в кино с приятелем. Ирина Осиповна мигом к нам домой трезвонить, и, как на грех, Игорь трубку взял. Вот уж правда, что Господь шельму метит. Сын всегда с утра до ночи на работе, а тут! Два часа дня, а он дома. Учтите психологический момент, Игоречек рос идеальным ребенком, ни слова неправды я от него не слышала, учился прекрасно, занимался спортом, жил по четкому расписанию, никаких дурных компаний. Чтобы Игоряша занятия пропустил? Да он с температурой в класс бежал.

– Неужели в подростковом возрасте он тоже образцово себя вел? – усомнился я.

– Ни малейших проблем, – заверила Галина, – со мной не спорил, по хозяйству помогал, купить себе что-то не требо-

вал, деньги, на соревнованиях полученные, в семейную каску сдавал.

– Вам достался раритет, – заметил я.

– Знаю, – без тени улыбки согласилась Лапина, – Игорь просто не понимает: как можно удрать с уроков? Сын схватил ремень да так Нину выдрал, что та потом три дня еле ходила. И пообещал ей: «Еще раз услышу, что слиняла из гимназии, отдам в закрытую школу тюремного типа».

– Вы пожалели внучку, – понял я.

Галина Михайловна взяла чашку с остывшим чаем.

– Прекрасно видя изъяны характера Нины, я все равно люблю девочку. Игорь жениться более не собирается, у него даже девушки нет. Сын весь в работе, типичный пример трудоголика. Он очень умный, создал успешный бизнес без стартового капитала и чьей-либо поддержки. Но кое в чем он, как все мужчины, туп. В девочке половина крови шалавы, генетику надо учитывать, исправлять дурные наклонности. Но бить категорически нельзя! Я в экзекуцию не вмешивалась, хотя от криков Нины сердце переворачивалось. Но потом сказала сыну:

– Телесные наказания ни к чему хорошему не приведут.

Он ответил:

– Мама! Не вмешивайся. В отличие от тебя я знаю, что бывает с подростками, которых никогда не лупили. Тинейджеру надо кого-то бояться. Ты добрый полицейский, я злой. Нина врунья, это качество необходимо с корнем выдрать,

иначе такие ягодки из цветочков получатся, что мало нам с тобой не покажется.

Двадцать девятого августа у Нины день рождения, внучка лист подарков составила, гостей планировала. И вдруг Ирина Осиповна с вопросом: не больна ли девочка? Да, я солгала. Из жалости. Не хотела, чтобы Игорь дочь в пансионе с суровыми условиями запер, праздника-презентов лишил. Решила сама с ней поговорить, припугнуть словесно.

– Простите, – остановил я клиентку, – на дворе август. У школьников каникулы, о каких занятиях идет речь?

– Нина учится в Европейской гуманитарно-культурной гимназии, – пустилась в объяснения Галина, – у них своя система. Летом дети отдыхают только в июле, июнь и август рабочие. Зато на Пасху и Рождество у них каникулы по месяцу. Понимаете, почему я прибежала к вам?

– Вы заподозрили, что похищение – это спектакль, который устроила сама Нина, – ответил я, – ваша внучка где-то прячется, ждет, что вы ей деньги отдадите. Интересно, зачем ей деньги? А ко мне вы обратились, чтобы Игорь не узнал о поведении дочери, опасаетесь, что Нина тогда до получения аттестата под замком в учебном заведении для малолетних преступников окажется.

Глава 4

– Бить девочку недопустимо! – поморщился Борис, бегая пальцами по клавиатуре.

– Мальчика тоже нельзя с помощью ремня воспитывать, – сказал я, – но, если верить словам Галины Михайловны, ее сын – идеальный человек. Он не понимает, как можно лениться.

– Похоже, он дочери денег мало дает, – заметил Борис, – на имя Нины открыта кредитка, там сейчас двести пятьдесят три рубля семьдесят копеек. Раз в неделю по понедельникам девочке переводят две тысячи. Учитывая, что отец находится в списке «Форбса», правда, в самом конце...

– Игорь не хочет баловать дочь и правильно поступает, – возразил я. – А Нине зачем-то понадобились большие средства, и это встревожило бабушку.

– Наркотики, – пробормотал секретарь, – еще компьютерные игры, на них можно здорово потратиться.

– Сомневаюсь в употреблении запрещенных препаратов, – возразил я, – Нина под колпаком. Дома – бабушка, в школе – классная руководительница, которая мигом бросается звонить родным, если ребенка нет в гимназии. Школьник, подсевший на экстази и иже с ними, становится нервным, плохо спит, теряет аппетит, регулярно ворует деньги-вещи. Странно, что многие матери не сразу замечают из-

менившееся поведение отпрыска и не бьют тревогу. Основная продажа наркоты идет в двух местах: школах и развлекательных заведениях.

– А в гимназии, которую посещает Лапина, всего шестьдесят детей и тридцать два педагога, – подсказал Борис. – Сомневаюсь, что в коллективе есть дилер.

– По клубам Нина не бегает, – договорил я. – Так зачем ей такая сумма?

Борис прищурился.

– В классе Лапиной учится десять человек, мальчиков и девочек поровну. Я проверил всех. Нормальные семьи, дети хорошо учатся. Нина по успеваемости третья. На первом месте Илья Рыбаков, у него ни одной четверки с первого класса, одаренный мальчик. Родители парня вовсе не богаты. Отец служит водителем в фирме, которая доставляет грузы из России в Европу и наоборот, мать маникюрша в салоне «Опто». У семьи интересная кредитная история. В каждом мае отец берет в банке сумму, равную годовой оплате за обучение сына, и в течение последующих одиннадцати месяцев гасит ее, а потом снова попадает в плен займа. Платежи вносит в срок. Думаю, семье финансово трудно держать подростка в дорогой гимназии. Семья Рыбаковых самая бедная в классе, остальные значительно богаче.

Я встал и включил чайник.

– Родительское тщеславие безгранично. Зачем выпрыгивать из штанов, платить непомерные суммы? Еще понятно,

живи Рыбаковы в провинции, где выбора нет: или отдавай гору денег, или ребенок ходит в плохое, но бесплатное заведение. Но в Москве много нормальных школ. Ну да, если чадо сидит в простом классе, ты соседям-приятелям не скажешь с гордым видом: «Сын занимается в Европейской гимназии».

– Некоторым людям важно продемонстрировать свою успешность, – согласился Борис, – поэтому кое-кто берет в кредит пафосные иномарки, которые ему никак не по карману. Но образование ребенка – другое дело. Гимназия, которую посещает Илья, имеет крепкие связи с колледжами во многих странах мира, она существует более двадцати пяти лет, это одно из первых коммерческих образовательных заведений в России. Основная часть выпускников потом разлетается по известным университетам. Во всех значимых зарубежных вузах открыты программы поддержки талантливых детей. Если выпускник оканчивает Европейскую гимназию первым, вторым или третьим по рейтингу успеваемости, он может претендовать на бесплатное обучение и стипендию в Европе и США. В России мало школ, которые предоставляют своим лучшим выпускникам столь значимый бонус. Родители Ильи борются за будущее сына.

– Ладно, я был неправ. Но зачем нам Рыбаков? – сдался я.

– Дети перешли в очередной класс, – стал объяснять Борис, – учебный год у них с первого августа начался. В июне Рыбаковы впервые задержали выплату кредита. Отец Ильи

написал заявление, в котором указал, что в связи с семейными обстоятельствами просит отсрочки на неделю. К его просьбе отнеслись с пониманием, до сих пор Олег Петрович являлся идеальным клиентом. И действительно, через три дня он внес нужную сумму. Думаю, ему не хватало восьмидесяти тысяч, чтобы сделать очередной взнос.

– Почему ты так решил? – удивился я.

Борис показал на экран.

– Поплавал в темном море денег и нашел заем, который Алина Марковна Рыбакова сделала в «Комоинвестфинтрасте». Сия контора выдает под грабительский процент так называемую «быструю ссуду». Ее можно оформить за час, что женщина и сделала. Взяла она восемьдесят тысяч. На следующие сутки Олег погасил долг перед банком, где не первый год является ответственным заемщиком.

– Восемьдесят тысяч, – протянул я, – столько Нина пыталась утащить из «сейфа» бабушки.

– В сентябре Алина должна вернуть «Комоинвестфинтрасту» сто пятьдесят восемь штук, – продолжал Борис.

– В два раза больше? Форменный грабеж! – возмутился я.

– «Быстрые» деньги не выгодны, – согласился секретарь, – брать их можно только в крайнем случае. Некоторые финансисты наживаются на людской беде.

Я взял ручку и начал рисовать на бумаге схему.

– Восемьдесят тысяч семье парня не хватало в июне, Нина попыталась обокрасть бабушку. Галина Михайловна предот-

вратила грабеж. Алина Марковна спешно берет кредит. Сейчас ей надо вернуть сто пятьдесят восемь тысяч и... Нину похищают, требуют выкуп, почти совпадающий с суммой долга. Две тысячи можно не учитывать. Вы думаете о том же, о чем и я?

– Дети решили помочь родителям Ильи, – подвел итог секретарь, – теперь об эсэмэс, которое пришло на телефон Галины Михайловны. У Ильи есть мобильный, у Нины тоже, но текст отправлен не с номеров школьников. Его послали с сотового Вениамина Сергеевича Морозова, проживающего по адресу: Тухвинская улица, дом семнадцать, квартира девять. Обратите внимание, семья Рыбаковых живет по тому же адресу, только в квартире двести шестьдесят восемь.

– Кто такой Вениамин? – спросил я. – Место работы, возраст?

– Пятнадцать лет, ученик школы имени Попова, – вскоре ответил Борис, – ни в чем порочном не замечен. Хорошо учится. Отец – Сергей Сергеевич... Ба! Он коллега Олега Петровича, вместе служат в фирме, которая доставляет грузы из России в Европу и наоборот.

Я встал.

– Вы куда? – спросил помощник.

– Дайте телефоны Ильи и Вениамина, – попросил я, – потолкую с ребятами.

– Уже поздно, – попытался остановить меня секретарь.

– Нина не явится домой, пока бабушка не раскошелится

на необходимую сумму, – возразил я. – Галина Михайловна понимает, что внучка затеяла аферу, Нина жива-здоровая, просто где-то спряталась. Думаю, подростки могут назвать точное место.

– У Рыбаковых две дачи в Подмоскowie. Одна принадлежит родителям мальчика, другая расположена в заброшенной деревне, где жила его покойная бабушка, – сказал Борис, – возможно, проказница там.

– Проказница, – усмехнулся я, – экое вы слово веселое нашли. Скорей уж девица-аферистка. Найдите номера, буду звонить юным мошенникам.

Глава 5

В течение вечера я несколько раз безуспешно пытался дозвониться до Ильи, на следующее утро парень опять не брал трубку. И я вдруг сообразил: в гимназии, где учится Илья, свое расписание. Ученики в августе сидят за партами, мальчик сегодня освободится не раньше трех-четырёх, лучше мне к этому времени ловить его неподалеку от учебного заведения.

Расчет оправдался. В четверть пятого я наконец-то созвонился с Рыбаковым и сказал ему:

– Илья, вас беспокоит владелец детективного агентства Иван Павлович Подушкин. Если не хотите масштабных неприятностей, то подойдите к седану черного цвета, который припаркован у супермаркета неподалеку от вашего дома. Кроме вас в разговоре должен участвовать Вениамин Морозов. Коли не появитесь, поставлю в известность ваших родителей о похищении Нины Лапиной.

Из трубки раздалось ойканье, потом подросток прошептал:

– Пожалуйста! Не надо ничего никому говорить. Буду через полчаса, у нас классное собрание.

– Ладно, подожду, – согласился я.

Минут через сорок к моей машине подошли два подростка и уселись на заднее сиденье.

– Добрый вечер, молодые люди, – сказал я, – давайте познакомимся. Иван Павлович Подушкин. Вот мое служебное удостоверение.

– Блин! – выпалил Морозов. – Во блин!

– Как вы нас вычислили? – хмуро спросил Илья.

– В следующий раз, когда решите обманом выманить у кого-то деньги, не надо пользоваться своим мобильным телефоном, – отрезал я.

Илья толкнул локтем Вениамина.

– Эй, ты же сказал, что купил безадресную симку на Горбушке.

– Ну... бабла не нашлось, – скис приятель, – за нее хотели полторы штуки.

Рыбаков отвесил ему подзатыльник.

Вениамин вернул другу затрещину.

– О ...!

Я похлопал ладонью по подлокотнику водительского кресла.

– Немедленно прекратите. И материться в моем присутствии не стоит. Где Нина?

– Не знаем, – в один голос заявили оба.

Я отвернулся от хулиганов и завел мотор. Сзади послышался шорох, Илья возмутился:

– Эй! Выпустите нас.

Вениамин принялся бить ногой в дверь.

– Зря стараешься, – спокойно заметил я, – иномарка сде-

лана по спецзаказу, салон заблокирован, открыть его у вас не получится. Двери не вышибить, стекла не разбить. Работает видеосвязь, все, что происходит в салоне, видит на ноутбуке в офисе мой помощник. Если стукнете меня чем-то тяжелым по затылку, получите реальный срок. Сидите смиренно, пока до места не доберемся.

– Дяденька, вы куда собрались ехать? – захныкал Веня, мигом превращаясь из наглого подростка в перепуганного детсадовца.

– В полицию, – ответил я.

– Не надо, – занял Илья.

– Сам не хотел полицию впутывать, – пояснил я, – надеялся установить с вами контакт, но переговоры успеха не имели.

– Я все расскажу, – пообещал Веня, – это Нинкина идея.

– Чес-слово, ни я, ни он ни при чем, – затараторил Илья, – она все придумала. Мы ничего плохого не совершали.

– Вас могут арестовать за убийство девочки, – сгустил я краски.

– Мы никого не трогали, – затрясся Веня.

– Ты сейчас обосрешься, – фыркнул Рыбаков, – хорош дрожать. Он придумывает. Как можно нас задержать, если Нинка распрекрасно жива?

Мне стало смешно.

– Илья, последнее заявление является признанием участия в афере. Если ты не имеешь отношения к мошенниче-

ству, откуда знаешь, что Лапина находится в добром здравии?

– Она не в Здравии, о котором вы сказали, – простонал Веня, – а в деревне Коклюшки, там изба бабки Рыбакова.

– Кретин! – заорал Илья. – Придурок. Заткни пасть.

– Оба замолчите, – велел я, – а насчет убийства... Если Галина Михайловна, которая уверена, что ее внучку похитили, сейчас заработает от стресса инфаркт-инсульт и скончается, то вы станете виновниками ее смерти. И никому не будет дела до того, что лишение жизни пожилой дамы не входило в жизненные планы малолетних разгонщиков.

– Кого? – заморгал Вениамин.

Я не успел объяснить, что в девятнадцатом веке так именовали пройдох всех мастей.

В дверь машины постучали, я опустил стекло.

– Илья, почему ты сидишь в тачке с незнакомым человеком? – забыв поздороваться со мной, спросил высокий худой мужчина.

– Папа! – испугался паренек. – Э... ну... в общем...

– Сто раз велел: не общайся с Вениамином, – рявкнул отец, – от него одни неприятности.

– А чего? Я ничего, – забубнил Морозов, – мы типа просто... гуляем.

Рыбаков посмотрел на меня.

– Вы кто? Почему мой сын в вашем автомобиле?

Я вынул удостоверение и открыл его.

– Иван Павлович Подушкин? Частное детективное агентство? – занервничал Олег Петрович. – Что происходит?

– Садитесь, – пригласил я, – или, если сочтете лучшим, можем в вашу квартиру подняться.

Старший Рыбаков постоял секунду, потом влез в салон.

– Говорите.

Я в деталях изложил, что сподвигло меня на беседу с Ильей и Вениамином. Не успел я произнести последнее слово, как Олег Петрович перегнулся через переднее сиденье, на котором сидел, отвесил сыну оплеуху и заорал:

– Я пупок на работе рву, из рейсов не вылезаю, мать по клиентам с утра до ночи носится, чтобы дурака в американский колледж взяли. Сто раз предупреждали: стипендию америкосы дадут, только если к отличным отметкам прилагается безупречное поведение! Охренел, да? Потерять то, ради чего семья ни ест, ни пьет... Мать в одном платье пятое лето щеголяет. Сказано четко, не приближайся к Веньке, он тебя дурному научит. С кем поведешься, от того и наберешься! Кретин!

– Че всегда я, – обиделся Веня, – вы с моим папкой поругались, поэтому...

– Твой отец мерзавец, – завопил Олег Петрович, – стукач!

– Полагаю, идея с похищением принадлежит Илье, – остановил я бушующее торнадо, – разве вы не поняли, что сумма выкупа равна взятому Алиной Марковной займу? Мальчик хотел помочь семье, но пошел неправильным путем.

– Галька ..., – захныкал Илья, – маме не заплатила! Восемьдесят кусков зажала! Фигня случилась поэтому.

Я уставился на него.

– Не матерись. Галька – это бабушка Нины?

– Ага, – шмыгнул носом подросток, – она в школе на спектакле, который мы поставили, ныла, что у нее ногти на руках ломаются, пальцы на ногах болят, а в салон на маникюр-педикюр ходить не может, там дорого просят. Рядом сидела моя мама, она супер-пупер-мастер.

– Итить твою в корень, – выпалил Олег, – у Лапиных денег лом! Пентхаус, шикарные машины, прислуги армия. Старуха жаднее всех, ей даже на себя денег жалко.

– Мама Гальке предложила на дому обслуживаться, – уже тише продолжил Илья. – Папа, ты сам говори теперь, мне детектив не поверит.

Олег потер рукой затылок.

– Ну... нам очень деньги нужны. Учеба Илюхи весь бюджет сжирает, но у нас цель. Сами в дерьме сидим, а сына вытащим, он лучшее образование получит, врачом в Америке станет, пластическим хирургом. Вот тогда будет нам счастье! Мой заработок от числа поездок зависит. В апреле я грипп подцепил, десять дней в кровати провалялся, ни встать, ни сесть. Деньги за апрель дают в мае. Я сразу сообразил: не хватит на кредит вскоре! Алинка подсуетилась, взяла «быстрые деньги». Уж я ее ругал! Надумала баба сама решение принять – жди беды. Ссуду под жирный процент можно без

согласия мужа или жены оформить. И оказалось у нас из-за глупости Алины не восемьдесят тысяч долга, а сто шестьдесят.

– Не так! – остановил отца Илья. – Ты самое важное упустил. Мама ходила к бабке Нины три месяца, та ей каждый раз не платила, пообещала сначала за пять визитов, потом за десять... Ну и дальше. Набежало восемьдесят тысяч. Мама тогда позвонила Галине Михайловне, а та ей: «Что за чушь вы несете! Вам конверт отдали». Трубку бросила, номер мамульки в игнор.

– Жена поехала к Лапиным, ее охрана завернула, секьюрити пообещали в зубы дать, если еще раз появится, – дополнил Олег, – вот такая ботва. Я из-за гриппа заработка лишился, Алинку бабка кинула. Жена психанула и без согласования со мной за «быстрым кредитом» ломанулась.

– Мы с Нинкой в одном классе сидим, – снова перебил отца Илья, – я ей сказал: твоя бабка ...! Маму обманула ...!

Я хотел снова сделать пареньку замечание по поводу использования нецензурной брани, но промолчал. А Илья говорил дальше:

– Нинка пообещала вернуть старухин долг, хотела деньги из коробки, где они на хозяйство спрятаны, взять, но не получилось. Тогда она придумала похищение. Мы ее с Венькой отвезли в деревню. Там три дома осталось, в двух – бабки психованные, у них телефонов нет. Там вообще мрак. Ни интернета, ни водопровода. Каменный век. Еще и свет отклю-

чили. Мы думали, Галина сто шестьдесят тысяч сразу отдаст. А она даже не чухнулась. Вот...!

– Постой-ка! – удивился я. – Вы бабушке сообщили, что внучку похитили. Объяснили, куда надо деньги привезти?

– Не-а, – возразил Веня.

– Как тогда она может вам их вручить? – вздохнул я. – Кому она тысячи отдаст? И где?

– Нинка сказала: «Парни, не суетитесь. Сама с ней свяжусь. Поплачусь в телефон. Старуха мне точно поверит».

– Так, – протянул я, – если я правильно понял, Морозов и Рыбаков доставили Лапину в заброшенную избу, которая находится в умирающей деревне. И... что? Дальше-то?

– Денег жду, – буркнул Илья.

– Внушка связалась с бабушкой? – не успокаивался я.

– Не знаю, – хором продекламировали «похитители».

– Вы ей звонили? – не отставал я.

– Телефон у Нинки выключен, – объявил Морозов.

– Надо паскудницу немедленно к родственникам припереть, – вспыхнул Олег, – я с вами, Иван Павлович. Дорога к тещиному дому простая, один не запутаетесь, но лучше нам вдвоем. А вы марш по домам.

– Пап, мы тоже хотим в деревню, – попытался спорить Илья.

– Домой, – каменным голосом повторил отец, – потом побеседуем. Вениамин, если еще раз тебя с Илюхой увижу, руки с ногами местами поменяю и так жить оставлю!

– Че я сделал плохого? – заныл Морозов. – Нинка помочь попросила. Мы друзья!

– Крыса с помойки тебе кореш, – оборвал Олег, – а Илья тебе не друг. Вали домой. И помни, крепко огребешь, если от моего сына не отстанешь. Он тебе не ровня.

– Ладно, – прошептал Морозов и открыл дверцу, – зря считаете Игоряху белым и пушистым. Такое могу про вашего отличника рассказать! Облысеете и ссаться начнете.

Младший Рыбаков ткнул дружка кулаком промеж лопаток, Вениамин вывалился из седана, Игорь выскочил за Морозовым.

– Говорите, куда ехать, – велел я.

– Могу за руль сесть, – предложил Олег.

– Спасибо, если устану, непременно вручу вам баранку, – пообещал я.

– На Дмитровку нам, – вздохнул отец отличника, – не успеете запариться, это рядом совсем.

Я послушно выехал на проспект, и некоторое время мы двигались в тишине.

Олег Петрович решил начать беседу на отвлеченную тему.

– Радио не слушаете? Музыка не любите?

– К сожалению, восхитительный концерт Моцарта ведущий программы прерывает идиотскими шутками, – заметил я, – поэтому в салоне приемник отсутствует, пользуюсь программой в телефоне.

– Дети у вас есть? – спросил Олег.

– Нет, – ответил я, – не женат.

– И не заводите, – посоветовал Рыбаков, – радости от них только до трех лет, далее проблемы водопадом. Денег не напасешься на спиногрыза, весь на мыло изойдешь за него. Хотя некоторые родители спокойны. Вон, мать Вениамина бухает, и плевать ей на то, что сын творит.

– Сергей Сергеевич терпит пьянство жены? – удивился я.

– Серега с ней давно в разводе, – заявил собеседник.

– А по документам Морозовы не разведены, – заметил я.

– Сергей просто ушел, разрыв не оформлял, – уточнил Олег, – если штамп в паспорт шлепнет, алименты на Веньку платить придется. А когда в браке состоишь, то никаких обязательств. У него давно другая баба, он у нее поселился.

– И жена скандал не подняла? – не поверил я. – Не потребовала содержания на ребенка?

– Ей фиолетово, – засмеялся Олег, – утром пиво, вечером водка. Мужика сняла, денег заработала. Понимаете теперь, почему я запрещаю Илье с Венькой дружить? У него мать...! Налево тут и на проселок.

– Совсем близко дача от Москвы находится. Вы ею не пользуетесь? – полюбопытствовал я.

– Дача? – издал смешок Олег Петрович. – Сейчас полюбуетесь! Изба убогая. Без удобств. В десяти метрах от села высоковольтная линия тянется. Кто ж хибару купит? Теща моя дура. Лет двадцать назад всем, кто в селе жил, предложили переехать в Нахрапино. Там дом многоэтажный построили.

ли. Какой-то бизнесмен хотел на месте деревни полигон для пейнтбола сделать. Бесплатно людям жилье давал, типа обмен: вы мне свой дом плюс участок, а я вам метры с удобствами. Все кинулись в Нахрапино. Теща же, а с ней еще пара идиоток, уперлась: «Огородики наши, куры, козы...» Козы... Сами они козы! Увидите, что получилось! Заборище у полигона огромный, до неба почти, овраг за ним и три сарая, где кретинки остались. Воды-газа нет, электричество с большими перебоями, транспорт до села не ходит. Если на автобус сесть решите, пилите потом пять километров пехом до шоссе или семь к главным воротам, куда любители шариками пострелять прикатывают. Дом теща дочери завещала, жене моей. Спасибо бабке! Не съесть, не продать ее подарок. Нет бы ей, козе, на однокомнатную квартиру согласиться. А вот и имущество, бабкой отписанное. Тормозите.

Я припарковался у скособоченного домика.

– Алинкино наследство, – хмыкнул Олег, – развалюха! И рубля за это дерьмо не выручить.

Я молчал. Рыбаков с размаха пнул дверь и заорал:

– Нина! ...! Я все знаю! А ну вылезай!

Ответом послужила тишина.

– Вот ..., – шепнул мне отец Ильи, – ничего, сейчас пробкой из бутылки выскочит.

Потом он набрал полную грудь воздуха и заорал:

– Хорош ховаться! Илюха тебя сдал. Выкупа нет. Галина Михайловна в больницу попала. Инфаркт. Она чего из-за

ваших фокусов вышло. Где прячешься?

Я обогнул вопящего водителя, покинул веранду и стал обходить избу. Кухня оказалась крохотной. Почти всю ее занимала русская печь. Ванной, туалета не было, в единственной комнатке стояли кресло, шкаф и кровать, прикрытая рваным ватным одеялом.

Я глянул на постель и онемел. На ней лежала девочка с длинными светлыми локонами, одетая в розовую футболку с надписью «Ниночка» и джинсы. Руки у нее были некрасивые, ладони широкие, пальцы с красным лаком на ногтях. Часть волос закрывала лицо, которое, судя по большому количеству запекшейся крови, было разбито. Ноги до колен прикрывала какая-то тряпка. Я хотел пощупать у нее пульс, но заметил на лице трупные пятна.

– Надо «Скорую» вызывать, – засуетился Олег, – хорошо, мобильники работают, на полигоне вышку поставили.

Глава 6

На следующий день в начале первого в дверь моей квартиры позвонили. Я сам открыл и увидел высокого стройного мужчину лет сорока, у ног которого громоздился здоровенный баул.

– Доброе утро, – басом произнес он, – разрешите представиться, Генри фон Дюпре. Матушка велела у вас поселиться.

Я, ранее думая, что «мальчику» лет восемнадцать-двадцать, на всякий случай уточнил:

– Вы сын Анны?

– Он самый, – подтвердил «малыш». – Скажите, в вашем пансионе предусмотрен завтрак в комнаты? Не люблю трапезничать в общем зале. Анна предупредила на ресепшен, что мне нужна отдельная ванная?

– Простите, господин Дюпре, вы находитесь в квартире Ивана Павловича Подушкина, – церемонно заметил Борис.

– Прошу извинить, – улыбнулся Генри, – я перепутал номер. Матушка написала...

– Все правильно, – сказал я, – вы попали по нужному адресу. Но я не сдаю внаем жилье.

– Да? – поразился гость. – Как же тогда?

– Иван Павлович пригласил господина Дюпре пожить у себя в качестве гостя, – растолковал секретарь, – бесплатно. Ваша спальня налево. Прошу сюда. Вот. Вуаля!

Борис распахнул дверь, я удержал возглас удивления. Мой помощник постарался изо всех сил. Обои он, правда, не поменял, зато вместо приятных моему глазу темно-коричневых портьер на окне висели светло-голубые. Этот цвет преобладал и в обстановке. Плед на кровати, ковер, скатерть на журнальном столике и куча других предметов были колера летнего итальянского неба.

– Отдельной ванной нет, – пел Борис, – в доме два санузла. Одним пользуется господин Подушкин, другим я. С удовольствием подвину зубную щетку, чтобы вы поставили рядом свою.

Генри поднял бровь.

– Ясно. Спасибо.

В комнату с радостным лаем влетела Демьянка.

– Пес, – поежился Генри.

Я присоединился к беседе.

– Вы боитесь собак?

– Вовсе нет, – протянул господин Дюпре и попытался отпихнуть Демьянку от своего единственного, но здоровенного чемодана.

Псинка, однако, не желала отойти от огромного кофра на колесиках, она скребла его лапой, нюхала, затем попыталась укусить за нижний угол.

– Фу, – строго приказал Борис, – сидеть.

Демьянка завывала. Секретарь схватил ее за ошейник и уволок прочь.

– Сейчас Борис запрет безобразницу, вернется и поможет вам распаковать вещи, – пообещал я.

– Не стоит. Сам прекрасно справлюсь. Не люблю, когда кто-то разбирает мои принадлежности, – отказался фон Дюпре.

– Желание гостя закон, – улыбнулся я, – если передумаете, мой помощник к вашим услугам.

На лице сына Анны появилось задумчивое выражение, потом уголки его губ медленно поползли вверх. Мне стало понятно, что он наконец-то сообразил: я не владелец меблированных комнат, а равный Генри по воспитанию и образованию человек.

– Чудесно, – залопотал гость, – спальня до изумления похожа на мою обитель дома. Благодарен вам за приют. Здесь так уютно. О! Мишка! Точь-в-точь такой же живет в моей комнате дома. Очаровательно! Еще раз примите мое большое спасибо. Оказался в ваших владениях ненадолго, надеюсь вас не обременить.

– Рад помочь, – ответил я ничего не значащей светской фразой и ушел.

Через пару минут из гостевой раздались грохот и бабий визг. Я поспешил назад, постучал в дверь и спросил:

– Генри, вам помощь нужна?

– Нет, спасибо. Извините, я уронил чемодан, – объяснил гость, – право, это ерунда.

– Иван Павлович, вас, – сказал Борис, подходя ко мне с

трубкой в руке.

Я взял у помощника телефон, из которого незамедлительно раздался хриплый баритон.

– Господин Подушкин?

– Именно он, – ответил я. – С кем имею честь общаться?

– Бурмакин Василий Федорович, – представился абонент, – следователь, занимаюсь убийством трупа, обнаруженного в селе Коклюшки. Нам надо поговорить.

– Конечно, – согласился я, меня восхитил оборот «убийство трупа», – говорите, куда приехать.

– А если я сам к вам в агентство заскочу? – неожиданно предложил Бурмакин.

Я несказанно удивился, но быстро ответил:

– Буду рад встрече в своем скромном офисе. Адрес...

– Через полчаса появлюсь, – перебил Бурмакин, – куда ехать, знаю.

В изумлении я положил трубку в карман. Мы с Олегом вчера вызвали полицию, приезда которой пришлось ждать очень долго. Находиться в избе, где лежало тело, было весьма некомфортно, поэтому мы сидели в машине. Прибывший на место дознаватель не стал нас с Рыбаковым опрашивать, он лишь взял наши координаты и велел уезжать домой. На мой взгляд, это неправильно, но я не стал спорить с толстым одышливым человеком, которому по внешнему виду можно было дать лет сто. Домой так домой. Но когда я уже завел мотор автомобиля, из избы вышел полицейский и крикнул:

– Эй, парни, помогите трупешник перевернуть.

Вот тут я не выдержал:

– Думаю, медэксперт, который сюда придет, будет очень недоволен нашим поведением.

– Еще чего, – прокряхтел местный «Эркюль Пуаро».

– Вы без перчаток и бахил, – продолжал я, – тело до приезда криминалистов перемещать нельзя. И абсолютно недопустимо просить свидетелей трогать мертвеца.

– Уезжайте, – разозлился полицейский, – нашелся тут специалист, частный детектив, блин! Уж я поумней и поопытней тебя!

И вот теперь сей малоприятный тип едет в офис моего агентства? Более чем странно. Я не успел еще поразмыслить на сей счет, потому что из комнаты, в которой поселился Генри, опять раздался истошный вопль.

– Могу вам чем-то помочь? – спросил Борис из коридора. Ответа не последовало. Секретарь всунулся в кабинет.

– Иван Павлович! Господин Дюпре...

– Слышал, – остановил я помощника, – сейчас зайду к нему.

– Как-то неудобно, – смутился Борис, – мало ли чем он там занят.

Я двинулся в коридор.

– Генри не в гостинице поселился, а в моей квартире. Он не постоялец. Как хозяин я имею право в любое время войти в каждую комнату своих апартаментов. Сейчас мы слышали

крик, это обстоятельство настораживает.

Я остановился у двери и постучал.

– Генри! Что у вас случилось?

Тишина.

Я нажал на ручку и увидел открытый совершенно пустой кофр и парня, который стоял, прижавшись спиной к шкафу.

– Простите за вторжение, – произнес я, – я слегка обеспокоился звуком, который донесся из спальни. А вы не реагировали на стук в дверь.

– Мы испугались, вдруг вам плохо, – добавил Борис.

– Я раскладывал вещи и пел, мечтаю стать оперным исполнителем. Сейчас ставлю голос, – ответил Генри.

– Тогда мы более не будем нервничать, услышав громкие звуки, – заверил я, – располагайтесь с комфортом.

– Возможно ли попросить у вас чашечку эспрессо и чай, зеленый, – заулыбался Генри, – ни в коем случае не стану обременять вас заботой о себе, намерен питаться сам, но сразу после приезда...

– Сейчас сделаю, – пообещал Борис, – хотите кофе и чай одновременно?

– Да, – подтвердил гость, – люблю сначала выпить эспрессо, потом крепкий чай.

– Желаете перекусить? – спросил секретарь. – Омлет на быструю руку?

Генри отвел глаза в сторону.

– Благодарствую. Я бы съел болтушку из одного яйца и

глазунью из двух.

– Омлет и яичницу разом? – повторил секретарь.

– Да, в две тарелки и кари прибавь, – подтвердил гость, – люблю разнообразие вкусов.

– Минут через десять в столовой накрою завтрак, – заверил Борис.

Генри сконфузился.

– Хочу вам объяснить... Вероятно, моя просьба выглядит странно... но прошу понять некоторые особенности семьи Дюпре. Наш фамильный замок имеет площадь шесть тысяч квадратных метров. Я обитаю в правом флигеле, зал для вкушения пищи расположен в центральной части. Мне туда идти четверть часа, не меньше. Матушка позволила мне питаться в детской. Исключительно ради сбережения моих физических сил и времени, коего у меня мало, а в гимназические годы совсем не было. Кроме того, в зале над камином висит пугающая картина. «Саломея с головой Иоанна Крестителя». Я ее боялся, и до сих пор дискомфортно на нее смотреть.

– Тициан, – кивнул я, – великое произведение, но, соглашусь с вами, мрачное, жестокое. Если не ошибаюсь, оно хранится в Риме, в галерее Дориа-Памфили.

– Там копия, – возразил Генри, – подлинник у нас дома.

Я не стал спорить, гость продолжил:

– Посему с молодых ногтей я привык трапезничать в одиночестве. На людях кусок в горло не лезет.

– Сервирую завтрак в спальне, – согласился Борис.

Мы с секретарем вышли из комнаты и взглянули друг на друга.

– У каждого свои привычки, – вздохнул Борис, – гостя надо окружить комфортом.

– Согласен, – кивнул я, – отнесите Генри поднос в спальню. Хорошо, что в моей квартире не шесть тысяч квадратных метров. Бедняга парень! Наверное, он, живя в замке, всегда пьет холодный чай и ест остывшие блюда. Пока из кухни кушанья доставят, они замерзнуть успеют.

– В крупных отелях на тележках для доставки заказа в номер предусмотрены маленькие горелки, – растолковал Борис. – Возможно, Дюпре такие используют.

И тут раздался звонок в дверь.

Глава 7

– Вчера на месте происшествия я видел другого сотрудника, – заметил я, когда мы с гостем устроились в кабинете. – Чай, кофе? Бутерброды?

– С удовольствием угощусь капучино, – потер руки парень в джинсах и светло-голубой рубашке, – если честно, я проголодался.

Я позвал Бориса, тот пообещал сделать свои фирменные сэндвичи с курицей. Бурмакин пришел в восторг, рассыпался в благодарностях. Минут десять мы занимались пустыми разговорами, в конце концов я решил, что хватит зря тратить время.

– Василий Федорович, зачем я вам пригодился?

Юноша откашлялся.

– Никак не привыкну к отчеству, если обращаются так, как вы сейчас, то я вздрагиваю и начинаю оглядываться: где тут старичок Федорович?

– Ваша профессия обязывает к официальности, – предупредил я, – господин Бурмакин государев человек.

– Кто? – удивился юнец.

– Чиновник, – перевел я выражение на современный язык. – Посетители должны вас по батюшке величать.

– Но с вами мы коллеги, – возразил парень.

Я удивился еще сильнее. Не секрет, что в частные сыщи-

ки идет много бывших сотрудников МВД. Но действующие полицейские не преминут заметить, что гусь свинье не товарищ, мало кто из них назовет сотрудника детективного агентства «коллегой». А уж я, никогда не служивший «на земле», и вовсе не достоин уважения. Правда, я, став владельцем конторы «Шерлок», обзавелся приятелями в рядах борцов с преступностью на окладе у государства. Вот они ценят мои профессиональные качества по достоинству. Жаль только, что Макса Воронова больше нет.

– Дело об убийстве неизвестного трупа поручили мне нарочно, – вздохнул Василий. – Уверен, без Ренаты Глебовны тут не обошлось.

– Минуточку, – остановил я гостя. – Почему неизвестного? Я полагал, что в избе тело Нины Игоревны Лапиной пятнадцати лет. По словам Ильи Рыбакова и Вениамина Морозова, приятелей жертвы, бабушка Нины не заплатила деньги за работу матери Ильи. У семьи из-за этого случился финансовый коллапс. Школьники решили исправить ситуацию, разыграли похищение Нины. Девочка спряталась в доме покойной бабушки Рыбакова. Я понял, что киднеппинга не было, мы с отцом Ильи отправились за Ниной и нашли несчастную с разбитым лицом на кровати.

– Ну нет, – возразил Василий, – все не так.

– Я не успел еще побеседовать с Галиной Михайловной, вчера приехал поздно, не счел нужным сообщать даме ночью трагическое известие. Сегодня с утра пока не смог до

нее дозвониться, – кивнул я. – Возможно, вы правы. Все не так. Вероятно, деньги Алине Марковне передали, а она их куда-то дела, соврала, что ее обманули. У женщин свои секреты. Понимаю, внешность человека не всегда соответствует его сущности, но Лапина не похожа на мошенницу, она мать богатого бизнесмена, для нее восемьдесят тысяч рублей не составят проблему.

– Я про другое говорил, – протянул Бурмакин, – жертва идентифицируется как Лариса Михайловна Бумагина девятнадцати лет. Но это предположительно. Поэтому я и сказал: неопознанный труп.

– Но на теле была футболка с надписью «Ниночка», – напомнил я. – Почему девушка в одежде с чужим именем?

– Фиг его знает, – вздохнул Бурмакин, – Рената небось постаралась, чтобы мне стремное дельце подбросили. Она надеется, что я не справлюсь. И в стоматологи подамся.

– Василий Федорович, не понимаю, о ком вы ведете речь, – остановил я парня, – если вас интересует, что знаю я, то в общих чертах сообщил сведения вчера полицейскому, который прибыл по вызову. Могу их дополнить. С Ренатой я никогда не встречался, среди моих знакомых дамы с таким именем нет.

– Это моя мама, – пояснил Бурмакин, – владелица частной зубной клиники. Я младший сын. Есть еще Юра – старший, вот он радость мамули, дантист, женат, отец двух детей. А я решил следователем стать. Год сижу в отделе, зарплата

пустяковая, интересных дел не поручают. В основном у телефона дежурю или в интернете копаюсь. Мама мою карьеру порушить надеется, ждет, когда мне осточертеет бумажки туда-сюда перекидывать. Уверен, муттер Федору Петровичу, моему начальнику, велела меня на приколе держать. Я поступил в мединститут, выполнил приказ матери. Но не собирался провести жизнь рядом с бормашиной. Мне другое интересно: перестрелки, погони, преследование преступника на самолетах...

– Друг мой, вы насмотрелись сериалов, – улыбнулся я, – в жизни следователя, слава богу, мало событий, о которых вы сейчас упомянули. Большую часть рабочего времени он проводит за изучением бумаг или за болтовней с разными, чаще всего неприятными людьми. Прибавьте сюда профессиональную болезнь полицейских гастрит, недостаток сна, маленькую зарплату, требовательное сверх меры начальство, ненормированный рабочий день... Может, ваша маменька права? Дантисты хорошо зарабатывают, у них крепкие семьи. А у полицейских распадается каждый второй брак.

– Нет, – отрезал Василий, – у меня другие жизненные планы. Мать решила младшего сына измором взять. Она велела Федору Петровичу меня к стулу в кабинете прибить, думает, я от тоски-безделья офигею и в клинику ее сдаваться побегу.

Василий стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Фигу ей. До маман дошло – у меня упорства через край, и она придумала другой ход. Уверен, это ее идея мне висяк с

трупом в избе подкинуть. Федор Петрович так мерзко утром улыбался, говорил: «Василий, застоялся ты, как поросенок в хлеву. Пора плавать начинать. Работай по убийству». Я сначала обрадовался, а как материалы почитал! Ё-моё!

– Полагаете, ваша маменька настолько значима, что может управлять начальником отделения? – улыбнулся я.

Бурмакин хихикнул.

– Мамаша до того, как своей клиником обзавестись, в ведомственной пахла. Да у нее все полицейское начальство пломбы ставило, и до сих пор они к матери рулят. Эмвэдэшников она у себя бесплатно обслуживает. Да у нее сам Николай Львович с разинутым ртом в кресле сидит. Соображаете?

Я понятия не имел, кто такой Николай Львович, но ответил:

– О! Сие меняет дело.

Василий хлопнул ладонью по коленке.

– Ну, вот так! По плану мамыши я дело завалю, и меня выгонят. Куда деваться? Ползти к бормашине.

– Зачем вы приехали? – не выдержал я. – Хотите услышать мой наиподробнейший рассказ о том, что я знаю?

– Хочу вас нанять, – выпалил гость.

Я подумал, что ослышался.

– Кто-то из ваших знакомых нуждается в моих услугах?

– Ага, я, – уточнил Василий, – лично.

Похоже, мне не удалось справиться с удивлением, которое явно отразилось на моем лице.

– Не волнуйтесь, – затараторил Бурмакин, – я в средствах не стеснен, могу заплатить сколько потребуется. Наликом. Аванс я принес!

На мой стол шлепнулась пачка купюр.

– Хватит? – поинтересовался посетитель.

– Прежде чем дойдем до денег, необходимо составить договор, – пояснил я, – я выставлю счет, вы перечислите сумму в банк. Наличку я не принимаю. Но, простите, Василий Федорович, вы сами служите следователем. Зачем вам понадобился частный детектив?

– Вот те на, – удивился Бурмакин, – я уже объяснял: дело глухарь, его раскрыть надо.

Я уставился на посетителя, в такую ситуацию я попал впервые. В мой кабинет приходят разные люди со всякими, подчас странными, проблемами. Один раз мне пришлось искать болонку с ошейником, украшенным крупным бриллиантом. Но следователь, который хочет, чтобы я вместо него кинулся по следу убийцы?! С таким я еще не сталкивался.

– Я полазил в интернете, почитал про детектива Подушкина, вы профи, – с легкой завистью в голосе заметил посетитель, – а я с глухарем не справлюсь. Помогите. А? Будем вместе пахать, только главный вы! Очень прошу, никак мне нельзя облажаться. Если накосячу, Федор Петрович кому надо доложит, представит меня балластом и отправит малолетними преступниками заниматься. Такой у них план, у матери и у моего начальника. Вчера я ее телефонный разговор

подслушал. Она прямо говорила: «Федюня, постарайся». И о чем мамахен ныла? Явно обо мне. Не оставьте меня в беде. Заплачу вам.

Я посмотрел на румяные пухлые щеки посетителя.

– Простите, сколько вам лет?

– Двадцать пять, – отрапортовал Бурмакин, – школу окончил, мамахен в медвуз запихнула, год отучился, сбежал на юрфак, получил диплом, попал в отделение. Знаете, как меня мать поедом жрала, пока я на юридическом учился?! У вас же в молодости, наверное, тоже мечта была. Сейчас, в старости, вам уже ничего не надо, а вы вспомните свою юность и поймете меня.

Дверь тихо скрипнула, появилась Демьянка, в зубах она несла красный лифчик с устрашающе торчащим в разные стороны черным кружевом.

– Вау, – хихикнул Василий, – вы, несмотря на возраст, зажигаете!

– Борис, – крикнул я.

Секретарь незамедлительно возник в комнате.

– Слушаю вас!

Я показал глазами на собаку.

– Что это?

– Демьянка, – ответил помощник.

– Не кто, а что, – вздохнул я, – у нее из пасти свисает.

– Матерь Божья! – подпрыгнул Борис. – Фу! Где ты это взяла?

– Сейчас она ответит, – захохотал Василий, – я вам вместо пса доложу: стянула у бабы, которая тут живет.

– Иван Павлович не женат, – быстро заметил секретарь.

– Чтобы спать с кем-то, штамп не требуется, – возразил Бурмакин.

Из коридора послышался грохот, потом раздался голос Генри.

– Господа, я временно покидаю ваш гостеприимный дом.

Я встал.

– Борис, развлеките пока Василия Федоровича, я провожу господина Дюпре.

Глава 8

Я вышел в прихожую и опешил. На Генри красовалась белая косоворотка с вышитыми повсюду красными петухами. Брюками служили темно-синие шаровары с оранжевым кушаком. На голове гостя сидел картуз, слева в него был воткнут искусственный цветок мака. Сбоку на длинном шнуре висела балалайка. Сын Анны натягивал черные сапоги.

– Уезжаете? – только и смог сказать я.

– Ухожу, – уточнил «малыш».

– С кофром? – продолжил я, разглядывая чемодан, который стоял у вешалки. – Можете смело оставить его в комнате, никто его не возьмет.

– Там шубы мамы, – сообщил Дюпре, – она просила их ей доставить. Срочно.

Я кивнул. меховые манто – это именно то, без чего в раскаленной Москве в августе точно не обойтись.

– Когда вы отходите ко сну? – уточнил гость, поправляя съехавший картуз. – Не хочется разбудить вас и прислугу.

– До полуночи в доме никто не укладывается, – объяснил я и снял с крючка связку. – Возьмите ключи и приходите когда удобно.

– Прекрасно, – обрадовался «балалаечник», – крайне любезно с вашей стороны.

Гость схватил чемодан за торчащую вверх ручку...

– Подождите, – остановил я его. – Генри, вы часто посещаете Москву?

– Впервые прибыл, – улыбнулся он, – мама не ездила и мне не разрешала. В СССР опасно, на улицах стреляют, повсюду бандиты и голодные жители, которые хлеб из рук прохожих вырывают, много воровства, грабежей. Не испытывал особого желания посетить родину предков, но мамуля вбила себе в голову, что мне нужно посмотреть на страну ее детства и познакомиться с дворянским кругом.

– Вы прекрасно говорите на русском языке, – похвалил я Дюпре, – ни малейшего акцента.

Генри усмехнулся.

– С Анной не поспоришь, она наняла для меня няню из обедневшего рода Неустроевых. А та заставила меня с матерью только с помощью ее родной речи общаться. Я и кухню вашу знаю. Щи, борщ, ячневая каша с ливером, квас с изюмом, блины с икрой, сбитень, кисели.

– Генри, почему вы так оделись? – задал я наиболее интересный вопрос.

– Ошибка в выборе образа? – смутился гость. – Это исконно русский наряд. Специально приобрел его в магазине, где торгуют советскими швейными изделиями. Я уважаю родину мамы, однако я лишь наполовину советский и не ощущаю глубокую эмоциональную связь со страной предков. Но мне не хочется оскорблять взгляды прохожих, как говорят в Стране Советов, капиталистическими джинсами, поэтому...

Я кашлянул.

– СССР давно нет.

– Как? – изумился гость.

– В девяносто первом году Союз развалился, – уточнил я, – теперь мы живем в России.

Генри помолчал, потом протянул:

– Газет я не читаю, телевизор не люблю, интернетом не пользуюсь, а в книгах, которые есть в домашней библиотеке, речь только об СССР идет. Извините, если я совершил бестактность.

– Что вы, – улыбнулся я, – просто я решил на всякий случай вас предупредить. Генри, вы так оделись...

– Вам не нравится мой костюм, – опечалился Дюпре. – Скажите откровенно: что вам не по душе? Коренное население страны, в которую я приехал гостем, нужно уважать. Когда мы с мамой посещаем Шотландию, я всегда надеваю килт. В Париже хожу в красном берете и шарфе. В Америке – в джинсах, кожаном жилете с бахромой, сапогах до бедер из того же материала. Мама моя желание проявлять дружеские чувства к разным народам поддерживает.

– И что она сказала по поводу косоворотки, картуза с цветком и прочего? – поинтересовался я.

– Ничего, – ответил Генри, – это для нее сюрприз. Во всех странах прохожие на улицах меня приветствуют, делают фотографии.

– В Москве душно, – заметил я, – советую использовать

легкие льняные брюки, футболку и сандалии. В сапогах вы далеко не прошагаете.

– Сандалии? – повторил Генри. – Это не моя обувь. И в СССР, ох, простите, в России их не носят. У вас лапти. Но я их не смог достать, поэтому пришлось натянуть эту обувь. Я строго соблюл соответствующий внешний вид. Дома внимательно изучил по картинам художников прошлых лет, как выглядел народ. Не хочу подчеркивать свою аристократичность. Мечтаю окунуться в массы. Получить бесценный опыт общения с простолюдинами, честными, прекрасными, наивными российскими крестьянами. Сожалею, что лапти не нашел. Отсутствие обуви из лыка – боль моего сердца. Представляю, как мамочка обрадуется, увидев меня одетым как мужчины ее детства.

– Ну да, Анна забьется в восторге, – пробормотал я. – Господин Дюпре...

– Простите, мне пора, – заторопился ряженный.

– Лучше переоденьтесь, – попытался я остановить Генри, – современные москвичи мало чем отличаются от жителей Нью-Йорка или Парижа.

– Понимаю, – кивнул Генри, – исторический костюм уже не в фаворе. Но для выражения уважения гражданам он необходим. Я пошел! Подскажите, где ближайшая стоянка извозчиков?

– Такси можно поймать на улице или вызвать по телефону, – объяснил я, – давайте организирую вам наемный экипаж.

– Хочется самому окунуться в гущу жизни родины предков, – возразил недоросль и покатил чемодан к выходу.

– Генри, – окликнул я его, – простите мое беспардонное любопытство, чем вы занимаетесь?

Он оглянулся.

– Составляю каталог картин нашего замка, параллельно пишу книгу о музее искусств Дюпре, он открыт в нашем имении, по выходным вожу группы экскурсантов. Работы по горло. Я искусствовед. А вы? Надеюсь, мой вопрос вас не оскорбил.

– По образованию я редактор, – начал я, – окончил некогда Литературный институт, а сейчас...

– О-о-о-о! – восхитился сын Анны. – Приятно встретить человека, с которым сразу ощущаешь общность взглядов. Восхищен вашей библиотекой, она не такая большая, как в замке, но подобрана с тонким вкусом, во многих томах закладки. Глубоко впечатлен вашей эрудированностью. И...

Из кабинета вышла Демьянка.

Генри запнулся на полуслове.

Я увидел, что изо рта псинки по-прежнему свисает красный с черными кружевами лифчик, и быстро произнес:

– Понятия не имею, где собака сие нашла, в доме нет женщин. Возможно, отрыла на помойке и тайком в дом притащила.

Демьянка приблизилась к гостю, села у его ног и завилыла хвостом.

– Вы ей понравились, – улыбнулся я.

Псинка встала и, тихо повизгивая, начала скрести лапой чемодан. Бюстгальтер она выплюнула.

– Удаляюсь, пошел искать остановку конки!³ – воскликнул Генри и скрылся на лестничной клетке.

Я вернулся в кабинет и обнаружил там Василия и Бориса в процессе увлекательной, но непонятной мне беседы.

– Следует отбить, – велел мой секретарь.

– Никогда, – отрезал Бурмакин, – нарушится структура листа, на выходе будет тряпка.

– Нет, – заспорил Борис, – если пренебречь молотком, получится жестко.

– Можно потяпать серединку, – согласился Вася, – но по бокам конкретно не трогать.

– Без муки жарить.

– Невозможно. Сухо будет.

– Масла побольше.

– Несъедобно.

– Хотите покажу, как правильно делать?

– Давайте, – согласился Борис и встал из кресла.

Василий поднялся следом.

– Вы куда? – не понял я. – О чем шла речь?

– Василий Федорович знатный кулинар, – восхитился Борис, – поделился со мной парой потрясающих рецептов, про-

---

³ Конка – предшественница трамвая. Вагон по рельсам тянула пара лошадей, которой управлял кучер. В Москве и Питере существовала до начала XX века.

стых в исполнении, но, полагаю, очень вкусных. Террин из курицы с фисташками. Полкило куриной грудки, сто граммов ветчины, горсть очищенных фисташек, сливки двадцатипроцентные семь столовых ложек, бекон – двести граммов, соль, перец по вкусу, одна столовая ложка сливочного масла. Сырое куриное мясо делим пополам. Одну часть пропускаем через блендер, вторую мелко-мелко нарезаем. Ветчину тоже режем крошечными кусочками. Все мясо, плюс фисташки, сливки, специи смешиваем. Сковородку...

– О нет! – перебил Василий. – Фу! Разъемную форму, прямоугольную, можно воспользоваться той, что для кекса, застилаем фольгой так, чтобы снаружи осталось побольше железной бумаги.

– Железная бумага, – повторил я, – впервые слышу такое словосочетание.

– Потом выстилаем ее беконом, – не обращая внимания на мое замечание, продолжал горе-следователь, – и опять надо сделать так, чтобы часть полосок сальца свисала за форму. На бекончик кладем фарш, прикрываем его сверху оставшимися полосками, фольгой. Если последней не хватает, можно еще оторвать от рулона, и в духовку. Я готовлю террин один час при температуре сто семьдесят. Но все зависит от духовки.

– Не особо люблю фисташки, – заметил Борис.

– Так не кладите их, – воскликнул Бурмакин, – это дело вкуса.

– Завтра же попробую, – азартно заявил Борис.

– Могу помочь, – предложил Василий, – а насчет отбивания капустного шницеля, о котором мы беседовали ранее...

Я кашлянул.

– Господа! Я люблю вкусно поесть, но сейчас у нас не гастрономическая проблема. Если в избе обнаружено тело Ларисы Михайловны Бумагиной, то где Нина?

Глава 9

– Хороший вопрос, – сказал Борис и вышел из комнаты.

– Как вы определили личность жертвы? – продолжал я.

– За креслом валялась сумка, в ней лежал студенческий билет на имя Бумагиной, – пояснил Василий, – она занималась в художественном училище на факультете хореографии.

– Поэтому худенькая, похожая на подростка, – кивнул я. – Футболка с именем «Ниночка». Мы с Олегом ожидали найти Лапину. Поэтому майка нас ввела в заблуждение. Давайте поступим так. Съезжу сейчас к Галине Михайловне, которая трубку не берет, выясню, правда ли она не заплатила маникюрше деньги. Может, она знает Бумагину? Вероятно, Нина дружила с Ларисой. Девочка побоялась одна ночевать в деревне, где из жителей две лишённые ума пенсионерки, да и в пустом доме одной жутко. Нина и позвала Бумагину.

– У них большая разница в возрасте, – мигом затеял спор Василий.

– Не так уж она велика, – возразил я, – всего четыре года.

– Пятнадцать и девятнадцать разные миры, – уперся любитель террина из курицы.

– У вас есть другая версия? – осведомился я.

– Нет, – смутился Василий.

– Тогда давайте отработаем эту, – мирно предложил я. – В процессе непременно возникнут новые идеи.

– Лариса Михайловна Бумагина сейчас на занятиях, – сказал Борис, входя в кабинет, – только что беседовал с учебной частью училища. И девушка совершенно не похожа на жертву. Вот.

Секретарь поставил передо мной ноутбук.

– Да уж, – вздохнул я, – женщина на фото выглядит на хорошие тридцать лет.

– Это впечатление из-за лишнего веса, – добавил Василий, который смотрел на экран из-за моей спины. – И как такого бомбовоза на факультет хореографии взяли? Реально бегемотиха!

– Возможно, Лариса больна диабетом, – предположил я, – или у нее гормональный дисбаланс. Не все толстяки неуправляемые обжоры. Кое-кто вынужден лечиться преднизолоном и распухает как на дрожжах от обычной воды из крана, имеющей нулевую калорийность.

– Вода вовсе не такая безобидная вещь, как все думают, – начал Василий, – если выпить одним махом двадцать литров, то умрешь.

– Интересно посмотреть на того, кто способен мигом осушить три полных ведра, – усмехнулся Борис.

– Влегкую! – воскликнул Василий.

– Это невозможно, – заспорил секретарь.

– Элементарно!

– Нет.

– Да! На что спорим? – азартно спросил Бурмакин. – По-

шли на кухню. Сейчас продемонстрирую!

– Прекратите, – потребовал я. – Василий, если вы решили покончить жизнь самоубийством, предпринимайте это за пределами моего офиса.

– Я собирался просто доказать ему, что за минуту выпью сорок литров! – воскликнул Бурмакин.

– Только что вы говорили о двадцати, которые являются смертельной дозой, – вздохнул я.

– Что это играет в коридоре? – удивился Борис. – Жуткая какофония. Ба-ха, да-ха, оха-оха...

Я прислушался.

– Странный текст. «Ваха-каха-бобаха» и не менее удивительная музыка.

– Телефон! – хлопнул себя ладонью по лбу Василий и бросился в коридор. – У меня любимая песня вместо звонка заряжена.

– Лариса Бумагина не балерина, – сказал секретарь.

– Внешне девушка на танцовщицу не очень похожа, – согласился я, – хотя те, кто профессионально исполняет танец живота, достаточно корпулентны. Чтобы работать в данном жанре, надо обладать брюшком.

– Я не успел договорить, Василий сразу меня перебил. Она натурщица, – предположил секретарь, – училище не имеет ставок для тех, кто позирует будущим художникам. Учащиеся скидываются, и педагог приглашает в зал обнаженную натуру. У преподавателя есть несколько моделей,

чтобы они могли беспрепятственно проходить в образовательное учреждение, натурщикам, а их пятеро, выдали студенческие билеты, записали их как будущих танцоров.

– И как удостоверение Бумагиной оказалось в сумке, найденной в избе? – пробормотал я. – Чья торбочка? Ларисина? Или Нины?

– Возможно, девушки знакомы, – начал фантазировать Борис, – пропуск учащегося художественного вуза дает право на бесплатное посещение выставок. Вероятно, Нина решила сэкономить.

– И отправилась осматривать почти умершее село, – хмыкнул я.

В кабинет вернулся Василий.

– Придя к вам, я начал снимать ботинки, не хотел напачкать, выронил трубку, поднял, положил на полку у зеркала и забыл про нее. Хорошо, что вы звонок услышали. Патологоанатом меня искал. Ну, попробуйте угадать, что он мне сообщил? Если правильно ответите, с меня мороженка! В вафельном стаканчике.

Я вздохнул. Круглощечкому румяному парню стукнуло четверть века? Да быть того не может! Ему семь лет.

– Давайте, попытайтесь, – требовал Бурмакин.

– Жертва на самом деле мужчина, – сказал Борис.

Лицо моего клиента вытянулось.

– Откуда вы знаете? Разговаривали с экспертом?

– Нет, – опешил секретарь, – просто озвучил самый, на

мой взгляд, бредовый вариант.

– Убитый не женщина? – уточнил я.

– Нет, – поджал губы Василий, – парень. Лет ему примерно восемнадцать-двадцать. На нем был парик из натуральных белокурых волос.

– Трансвестит? – предположил Борис.

– Возможно, выступал в каком-то шоу, – предположил Василий, – на теле есть следы тонального крема и золотой пудры.

– Этим стриптизеры пользуются, – пробормотал я. – Василий, попросите, чтобы вам прислали фото жертвы. Два вида. В парике и без него. Пусть ваш компьютерщик снимки обработает так, чтобы бедняга не внушал ужас.

– Отличная идея, – хмыкнул Бурмакин. – Забыли, что ему лицо в кашу превратили?

– Хочу показать изображение Илье Рыбакову и Вениамину Морозову, – пояснил я, – боюсь, дети в истерику впадут.

– Не всякий взрослый без содроганий на изуродованный труп взглянет, – вздохнул Борис.

Я принял решение.

– Поступим так. Боря, езжайте к Бумагиной, узнайте у нее, каким образом ее сумка вместе с пропуском оказалась у паренька. Натурщице девятнадцать лет, жертве предположительно двадцать, возможно, они знакомы.

– Давайте это я сделаю, – вдруг сказал Василий.

– Нам не помешает ваша помощь, – кивнул я, – но вы на-

няли нас.

Круглые щеки клиента из румяных стали красными.

– До сих пор я только бумаги подшивал, впервые мне дело вести поручили. Сам точно не справлюсь, но надо же учиться. Примите меня стажером!

– Неужели вас ни разу не взяли в поле старшие коллеги? – удивился Борис.

Василий сдвинул брови.

– Объяснял же! Мать велела меня игнорировать, а потом сделать так, чтобы я работу завалил! Я сто раз просился, а мужики отвечали: «Нет времени у тебя соску изо рта вынимать».

– Хорошие, однако, люди, – покачал головой секретарь.

– Мы с Борисом привыкли работать вдвоем, – пробормотал я, – и вы платите агентству.

– Не собираюсь лишать вас денег, охота опыт приобрести, – заканючил Василий, – ей-богу, буду стараться, как Буратино!

– Если я правильно помню детскую книгу, у деревянного мальчика с обучением были немалые проблемы, – сдерживая смех, заметил Борис, – он Мальвину до обморока довел. Иван Павлович, что скажете?

– Хорошо, давайте попробуем поработать втроем, – согласился я. – Василий, вы побеседуете с Бумагиной. Борис пороеется в интернете, соберет там информацию о Нине и ее приятелях, изучит соцсети, в них о подростках можно много

полезного найти. Сам я отправлюсь к Галине Михайловне и попробую разобраться в истории с деньгами, которые пожилая дама не заплатила матери Ильи.

Глава 10

– Что?! – закричала Галина Михайловна. – Это бред! Придумать похищение, чтобы я отдала деньги Алине? С ума сойти! Как такое могло Нине в голову прийти? Хотя... Я уверена, внучка тут ни при чем. Стопроцентно вдохновитель проекта Илья. Мальчишка несколько раз к нам приходил. Я не против, если к девочке друзья заглядывают, но этот подросток! Он говорил только о деньгах. Я предложила чаю попить, он отказался. Я решила, что он стесняется, сказала: «Попробуй конфеты, чернослив в шоколаде, вместо косточки там орех, очень вкусные». Он в ответ: «Спасибо. Наверное, очень дорогие, я не привык к таким». Нина его в библиотеку повела, слышу разговор. Девочка: «Смотри, папа очень любит комиксы. У него есть первые издания Микки-Мауса. Хочешь взглянуть?» Илья: «Нет. Они небось жутко дорогие, еще испачкаю». Рыбаков безостановочно напоминал Нине: Лапины богатые, а его семья бедная. Прозрачно намекал, что мой сын ничего особенного не сделал, просто Лапину повезло, а его папе нет, хотя тот работает в разы больше Игоря. Поставьте себя на мое место, вам понравится такое поведение?

– Думаю, нет, – честно ответил я, – стараюсь держаться подальше от завистливых людей.

– Я попросила Нину не общаться с Рыбаковым, – продол-

жала Галина, – объяснила внучке: мальчик ей не друг. Она плечом дернула, промолчала. Но парень у нас более не появлялся. Что же касается денег... Минуточку.

Хозяйка взяла трубку городского телефона.

– Маргарита Львовна, зайдите в гостиную на первом этаже.

Потом посмотрела на меня.

– Безусловно, пентхаус намного лучше маленькой тесной квартирки, где мы с Игорьком жили во времена его детства. Высокие потолки, большие комнаты, веранда на крыше, собственный лифт. Но докричаться до кого-либо невозможно. Некоторые владельцы домов ставят переговорные устройства, но нам это не понравилось. Когда выбирали способ связи между комнатами, специалист предупредил: нечто вроде интеркома не очень красиво выглядит в интерьере, такие белые коробки. Они только в офисах хороши, а у нас классический дизайн. Слава богу, Игорю не по вкусу современный стиль. Вот мы и остановились на телефонах, которые переключаются на внутреннюю связь...

В комнату, прервав бесцельную беседу, вошла худощавая женщина лет сорока.

– Добрый день. Звали, Галина Михайловна?

Хозяйка кивнула.

– Знакомьтесь, Иван Павлович, Маргарита Львовна, моя правая рука, а еще глаза и уши.

– Плюс розга, – улынулась управляющая. – Галина Ми-

хайловна слишком добрая, поэтому до моего появления прислуга тут канкан отплясывала. Госпожа Лапина не может никого уволить, она всегда пытается ласково объяснить человеку: «Нехорошо воровать, голубчик. Подумай над своим поведением, исправься». А потом, боясь, что обидела нечистого на руку человека, предлагает ему чаю с пирожными выпить. У меня же беседа с тем, кто грязную лапу в хозяйский кошелек запустил, короткая – пошел вон. Не верю я в исправление карманюльцев.

– Карманюльцев, – восхитился я, – забытое ныне слово, у Лескова оно часто встречается, и у Мельникова-Печерского. Думал, сей оборот сегодня не в ходу.

– Фамилия Маргариты Львовны Короленко, она родственница великого писателя, – похвасталась Галина, – преподавала русскую литературу.

– Очень и очень дальняя, – уточнила управляющая, – фамилия осталась, а кровь сильно разбавлена. Педагогическую деятельность пришлось оставить из-за нищенской зарплаты.

– И слава богу, – подхватила хозяйка, – теперь у нас в доме порядок. Вся прислуга почти новая, честная. Дорогая, вы помните мастера по маникюру, которая ко мне ходила на дом?

Маргарита вынула из кармана черного шелкового платья телефон.

– Алина Марковна Рыбакова?

– Да, – подтвердила хозяйка, – я вам передала конверт с

деньгами для нее.

Управляющая постучала пальцем по экрану.

– Да. Сумма восемьдесят тысяч ровно. Оплату Рыбакова получила.

Галина Михайловна нахмурилась.

– Слышали, Иван Павлович?

– Галина Михайловна очень аккуратна, – добавила Маргарита, – я служу в доме второй год, и ни разу не было задержки с выплатами. Тридцатого числа каждого месяца госпожа Лапина вызывает меня, чтобы служащим деньги выдать.

– Вы раздаете деньги? – уточнил я.

Управляющая кивнула:

– Да. Хозяевам не стоит общаться с горничными и прочими.

– Просто деньги в руки, и все? – не успокаивался я.

– Беру расписку, – объяснила Маргарита.

– И у Алины Рыбаковой тоже? – не утихал я.

– Конечно, – кивнула Короленко, – денежный вопрос требует строгой отчетности. Если Галина Михайловна позволит, я покажу документ.

– Конечно, дорогая, принесите, – разрешила мать Игоря.

Управляющая ушла.

– Гениальная женщина, – начала нахваливать Короленко хозяйка, – до ее появления в доме порядка не было. Я постоянно злилась. Домработницы ничего на место не ставили, один шофер мой хорошо работал, к нему претензий нет... А

сейчас! Все идеально! Каждая копейка на учете!

– Вот расчетная книжка Рыбаковой, – сказала Маргарита, возвращаясь.

Я взял небольшую книжечку и открыл ее.

– На первой странице паспортные данные, – пустилась в объяснения Маргарита, – Алина не на окладе, поэтому в ее случае указаны дни визитов.

– Вижу, – кивнул я.

– И вот на последней странице...

– Получено восемьдесят тысяч рублей, – прочитал я, – подпись и печать.

– Штамп мой, – кивнула Маргарита Львовна. – А в чем проблема?

– Алина сказала, что ей не заплатили денег, – разозлилась хозяйка, – наглая врунья!

Управляющая опустила уголки рта.

– Вот поэтому я и завела расчетные книжки. Они в таких случаях свидетельство честности хозяев. Могу идти?

– Конечно, ступайте, – разрешила Галина Михайловна, подождала, пока Короленко скрылась за дверью, и возмутилась:

– Рыбакова дрянь! Решила оболгать меня. Я весьма удивилась, когда маникюрша перестала появляться. Велела Маргарите позвонить ей, управляющая потом объяснила: мастер очень занята, перестала ходить по домам. Ах ты, господи! Нина считает меня жадной особой, которая не заплатила Ры-

баковой честно заработанное?

– Да, – кивнул я, – поэтому девочка решила помочь другу Илье Рыбакову. Вот по какой причине она полезла в вашу коробку с запасом на хозрасходы.

– Я запретила внучке с пакостником общаться, – взвилась бабка, – а та плевать хотела на мои слова.

– Галина Михайловна, – сказал я, – у меня нет детей, но помню себя в подростковом возрасте. Я в принципе был спокойным, управляемым ребенком. Меня не тянуло на подвиги. Но даже у тихого, хорошо воспитанного Вани нет-нет да и просыпалось желание поступить наперекор матери. И у меня были секреты от родителей.

Галина Михайловна схватила со стола трубку и нажала пальцем на экран.

– Ну, сейчас Алина все про своего сыночка услышит! Оболгал меня! Это как понять?

Я взял протянутый мобильный и услышал голос: «Абонент не обслуживается».

– Наверное, Алина поменяла номер.

– Ничего, узнать новый телефон мерзавки легко, – кипела бабушка Нины, – да он у меня через полчаса будет. Да я ей...

– Галина Михайловна, – сказал я, – понимаю ваш справедливый гнев, но он плохой советчик. Возможно, Илья не виноват.

Пожилая дама вскочила.

– Правда? А кто сказал, что его матери денег не дали? Кто

Нину против меня настроил? Из-за кого девочка историю с собственным похищением придумала? И как только додумалась! Робин Гуд!

– То, что мать лишилась зарплаты, сообщил Илья, – оставил я впавшую в гнев Лапину. – Фантазия мальчика...

– Фантазия? – заорала хозяйка, не давая мне закончить фразу. – Наглое, мерзкое, бессовестное вранье! Сейчас, сейчас...

Галина Михайловна снова схватила свой телефон, который я успел положить на стол.

Я быстро отобрал у нее трубку.

– Что вы собрались делать?

– Соединиться с отцом поганца! – закричала хозяйка.

– Давайте черновой работой займется нанятый вами детектив, – попросил я, – не следует вам самой общаться с Рыбаковыми. Только нервы трепать. Я все выясню и доложу. Главное сейчас понять, куда делась Нина. Можете составить список ее друзей?

Галина Михайловна выдохнула и села.

– Нина занята, ей не до гулянок. Несколько раз к нам Илья приходил. И еще на день рождения она ребят из класса приглашает. Но праздник всегда в ресторане устраивается. Игорек не любит домашних сборищ, поэтому я с детьми близко не знакомилась. Внешне все аккуратные, хорошо одеты, нормально разговаривают, вежливые, воспитанные.

– Среди ее друзей нет юноши лет двадцати? – осторожно

спросил я. – Возможно, он танцор или натурщик?

– Упаси господь! Конечно, нет, – отрезала Галина Михайловна, – девочке всего пятнадцать. Зачем ей взрослый парень?

– Ну... – протянул я, – всякое случается.

– Боже! – ахнула бабушка. – Конечно, нет! Нина о сексе не думает. Она маленькая. Играет в куклы. Увлекается плюшевыми игрушками, собирает пазлы. Девочка постоянно на виду. Утром в гимназию, потом или в художественную школу, или к репетитору по английскому, или еще куда на дополнительные занятия. У нее только вечер среды свободен. Выходные Нина чаще всего проводит у отца в офисе, Игорь дочь к бизнесу приставил, она в багетной мастерской трудится.

Я встал.

– Можно посмотреть комнату Нины?

Глава 11

Открывая дверь спальни Нины, я ожидал увидеть большую комнату с розовой кроватью под балдахином, горы плюшевых игрушек, полки с книгами, массу всякой ерунды, которую обожают девочки. Но меня ожидало немалое удивление. Я оказался в небольшой прямоугольной комнате, более похожей на келью, чем на спальню подростка из богатой семьи.

У стены вытянулась узкая кровать под клетчатым пледом, около нее обнаружился небольшой столик с ночником, рядом с лампой лежала книга. Я взял ее. «Хрестоматия по русской литературе». Напротив окна находился дешевый двухтумбовый письменный стол, к нему прилагался крутящийся стул. Я несколько раз повернул его. Он не из дорогих, продается в большом сетевом магазине. В стене, которая прилегла к окошку, белели две узкие двери. Я распахнул одну. Санузел. Вместо ванны тут была потолочная лейка и стеклянные дверцы. В крохотное пространство еще с трудом ухитрились воткнуть унитаз и мини-раковину. Над последней висела полочка и круглое зеркало.

Я не часто заглядываю в ванны девочек-подростков, но во всех, которые я видел, на любом свободном месте тянулись шеренги шампуней, гелей для мытья тела, всякие баночки-скляночки-флаконы-пульверизаторы. И лежало мно-

го косметики. Юные леди обожают скупать ненужные им пока пудры, румяна, тональные кремы, тушь. Почему-то большинство женщин считает, что, разрисовав лицо на манер африканского воина, который решил загрызть насмерть всех соседей, они станут невероятно привлекательны для мужчин. Лично мне больше по нраву спокойный естественный макияж.

Вторая дверь вела в утопленный в стене шкаф. Я подвигал вешалки. Уже говорил, что редко посещаю дома, где живут пятнадцатилетние модницы, и уж точно не роюсь у них в гардеробной. Но, даже на мой взгляд, пара простых платьев, несколько футболок, джинсы и одни балетки не очень большой выбор нарядов. Я мог бы заподозрить отца и бабушку Нины в скаредности, однако интерьер пентхауса, армия прислуги, посуда, из которой я пил чай, – все говорит о том, что хозяева тратят деньги на себя любимых. Они не любят вычурность, не стелют скатерть со стразами, предпочитают веками проверенную классику. Но мебель из массива дуба в гостиной явно сделана на заказ, сахар лежал в серебряной «лодочке», чашки просвечивали, настолько тонок оказался фарфор, мне предложили фужер очень дорогого коньяка... А у Нины в комнате дешевая мебель, один кусок мыла и несколько тряпочек? Идя в гостиную, я миновал огромную библиотеку, все стены которой занимают шкафы, забитые книгами. Я не удержался, притормозил и увидел старые, потрепанные, еще советские собрания сочинений. Среди них были хорошо

знакомые мне по детским годам многотомники Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, Александра Дюма и других. Нина могла взять любой роман, а она читает на ночь хрестоматию? Да я в ее возрасте кривился при виде этого учебника. Зачем он мне, когда в квартире находились куда более интересные книги. Например, «Яма» Куприна, «Декамерон» Боккаччо. Оно понятно, что сегодня подросток найдет в интернете что угодно...

Я замер. Минуточку. Где компьютер? На столе его нет. На тумбочке у кровати тоже.

Я сел на вертящийся стул. Галина Михайловна объяснила, что Нину похитили, когда она ушла утром в гимназию. Классная руководительница позвонила после второго урока и поинтересовалась, не заболела ли ученица. Ноутбук может находиться в портфеле Нины или он все же в комнате?

Я открыл левую часть тумбы стола. Ну и ну! Просто личное пространство солдата в казарме или заключенного. В бараке идеальный порядок. В одном ящике карандаши, фломастеры, в другом – бумага, краски, в третьем – трафареты букв. За правой створкой были две пустые полки. Отсек посередине стола Нина отвела под свои рисунки. Я открыл одну папку и был шокирован. До сих пор я наивно полагал, что девочки, даже войдя в суровый подростковый возраст и начиная конфликтовать с окружающим миром, любят изображения умильных котят, единорогов, принцесс... И в скоросшивателях на самом деле были черно-белые, сделанные ту-

шью композиции с упомянутыми мною персонажами. Но кошек расчленили на части, у милых сказочных животных художница отсекала конечности, головы, а тела девушек с коронами на головах разметало в разные стороны взрывами. Бомбы живописица изобразила с особым тщанием. Найди я подобное «творчество» у своего отпрыска, в тот же день потащил бы его к психиатру. Хотя социопатия не лечится. Впрочем, мне не стоит ставить Нине заочный диагноз, я не дипломированный врач, прав на наклеивание ярлыков не имею. Но почему Галина Михайловна не забеспокоилась, рассматривая рисунки внучки? Пожилая дама не хотела кое-что рассказать частному детективу? Она не видела «творчества» девочки?

Я еще раз окинул взором комнату. Те, кто лечился в психиатрических клиниках, приучены поддерживать идеальный порядок во всем и обходиться минимумом вещей. И если учесть отвратительные рисунки... Я начал укладывать листы в папку, уронил один, он упал на пол оборотной стороной вверх, там была надпись. «Стенотношение». Это слово было написано от руки, и я его не понял. «Стенотношение». Возможно, это сленг подростков, в котором я не мастак. Я начал изучать другие работы, но более никаких надписей не увидел.

– Что-то вас заинтересовало? – спросила Галина Михайловна, входя в детскую.

Я заставил себя улыбнуться.

– Думал, у Нины полно игрушек.

– Она их выбросила, – махнула рукой Галина, – чего только у девочки не было. Игорек даже сказал: «Надо перестать покупать ей кукол, мебель и все остальное, в спальне свободного места нет».

– Она не велика, – заметил я.

– Раньше Нина занимала самую большую комнату в квартире, – вздохнула бабушка, – метров пятьдесят-шестьдесят там. А потом взбрыкнула и перебралась сюда. Здесь ранее было помещение для прислуги, которая вынуждена оставаться ночевать. Нужно Игорю в пять утра уехать? Шофер домой не отправляется, тут спать ляжет.

– Взбрыкнула? – повторил я.

– Это вам неинтересно, – попыталась увильнуть от ответа хозяйка.

Я решил выложить карты на стол.

– В морге находится тело незнакомого юноши, его обнаружили в избе, где мы предполагали найти Нину.

Галина Михайловна закрыла рот рукой.

– Ой! Кто он?

– Пока не выяснили, – повторил я.

– Если у вас есть фотография, я могу сказать, видела ли когда-нибудь несчастного, – предложила хозяйка.

– Снимка нет, – соврал я.

– Он точно есть, – возразила Галина, – просто вы не хотите мне его показать. Все так плохо?

Я вынул телефон.

– Боже! – выкрикнула пожилая дама. – Что с беднягой сделали! Вы его имели в виду, когда спрашивали, есть ли у Нины двадцатилетний приятель?

Я кивнул и спрятал трубку.

– Кошмар, – простонала госпожа Лапина, опускаясь на кровать. – Что Нина придумала? Умоляю, не говорите никому ни слова об ее исчезновении! Найдите глупую девчонку. О!

Галина замерла, схватилась за щеки.

– О чем вы подумали? – быстро спросил я.

Хозяйка вздрогнула.

– Ну... так...

– Ваша внучка лечилась в психиатрической клинике? – прямо спросил я.

– Конечно, нет! – воскликнула Галина Михайловна. – Она врунья, но совершенно нормальная. Все проблемы Нины обычны для подростков, ничего выходящего за рамки.

– Что вы имели в виду, говоря «когда она взбрыкнула»? – наседал я на женщину.

Галина издала стон.

– Игорь в возрасте тринадцати-четырнадцати лет вел себя прекрасно. Можете не верить, но мальчик отлично учился, занимался спортом.

Я молча слушал, как мать уже не первый раз нахваливает сына, в конце концов Галина Михайловна перешла к содер-

жательной части сообщения.

Как-то раз Игорь заявил матери, что надо поменьше покупать девочке игрушек. Бабушка не успела отреагировать, в комнату вошла Нина и каменным голосом заявила:

– Отец, ты прав. Куклы и прочая лабуда мне более не нужны.

Игорь не смутился и решил высказать свое мнение дочери прямо в лицо.

– Зачем тебе тьма Барби?

– Верно, – кивнула Нина.

– Гора мебели для них?

– Правильно.

Игоря стала раздражать покорность дочери.

– Миллион коробок с косметикой!

– Согласна.

– И армия платьев, многие из которых ты ни разу не надевала.

– Не надо иметь лишнюю одежду.

И тут Игоря понесло:

– Мало у кого из девочек такое количество туфель.

– Согласна.

– У тебя самая большая комната в доме. Но это не означает, что ее нужно забивать барахлом до потолка.

– Ясно.

– Немедленно наведи порядок!

– Прямо сейчас начну. Можно идти?

– Ступай! – заорал отец. – Исчезни с глаз моих, хамка!
Девочка спокойно пошла к двери.

– Вырастили на свою голову нахалку, – бушевал Игорь, – устроила скандал!

Нина обернулась.

– Отец! Я не сказала ни одного плохого слова. Согласилась полностью с твоим мнением. Прошу прощения, если мое поведение тебя разволновало. Не хотела причинить беспокойство.

Потом она удалилась походкой императрицы, а Игорь с такой силой стукнул кулаком по журнальному столику, что сломал его.

Разговор происходил в девять вечера, у Галины Михайловны началась мигрень, она легла спать. Утром Нина, как всегда, ушла в школу. Через час после того, как девочка отправилась на занятия, к хозяйке обратилась Маргарита Львовна.

– Галина Михайловна, вас не затруднит зайти в детскую?

Бабушка поспешила на территорию внучки, вошла в спальню и приросла ногами к полу.

Глава 12

Огромное помещение оказалось пустым. Исчезли игрушки, книги, занавески, косметика, постельное белье, пледы, подушки, одежда, обувь, прикроватный коврик – все, кроме люстр и мебели.

– Что это? – спросила Галина Михайловна.

Маргарита Львовна тихо кашлянула.

– На видео охраны записано, как Нина ночью безостановочно ходит к мусорным контейнерам во дворе. Девочка до утра таскала туда туго набитые мешки для отходов.

– Секьюрити разрешили ей это? – пришла в негодование хозяйка. – Ребенок тащит вещи из дома, а стража смотрит сквозь пальцы на это безобразие?

Маргарита Львовна опустила голос до шепота.

– Секьюрити не имеют права делать замечание жильцам, тем более кому-либо из членов семьи Лапиных, которые занимают пентхаус. Когда Нина в очередной раз волокла мимо парня в форме мешок, тот спросил:

– Вам помочь?

– Спасибо, ноша легкая, – вежливо сказала девочка, – я разбираю свою комнату, избавляюсь от ненужных вещей.

– Она спала на голом матрасе? – растерялась бабушка.

– Нина ночевала не здесь, – объяснила управляющая.

Галина Михайловна схватилась за сердце.

– А где?

Маргарита отвела хозяйку в гостевую спальню прислуги на первом этаже, расположенную в отдельном тупиковом коридоре.

– Тут. Постелила себе белье, которым давно не пользуются. Утром сказала мне: «Теперь я живу в комнате для водителей, с прежней детской делайте что хотите».

Когда девочка вернулась домой, бабушка налетела на нее с вопросами. Внучка спокойно, подчеркнуто вежливо сказала:

– Я выполнила требование отца. Игрушек, лишней одежды и всего другого нет. Самая большая комната в квартире младшему члену семьи не нужна. Я ее не заслужила пока.

Вечером опять случился скандал. С работы приехал Игорь и начал орать на дочь...

Галина Михайловна потеряла виски.

– Скажу откровенно. Мне хотелось схватить Нину за волосы и стукнуть ее лбом о стену.

– Почему? – удивился я. – Девочка не хамила. Вещи выкинула, потому что обиделась на отца. Подростковый демарш. Полагаю, Нина не впервые со старшими ругалась.

– Ключевое слово «ругалась», – рассердилась Галина, – вы правы. Как только внучке исполнилось двенадцать, она стала невыносима. Нагрубит мне, через пять минут бежит: «Бабулечка, прости, люблю тебя». Отец замечание сделает, она огрызнется, получит от Игоря выговор, зарыдает, крикнет: «Ненавижу всех», улетит в ванную. И, глядь, опять в

гостиной. «Папочка, ты самый лучший». Сын кипел, я ему объясняла:

– Обычное поведение подростка. Гормоны бушуют.

Он мне:

– Я так себя не вел.

Галина Михайловна вздохнула.

– Шумный скандал никого бы из колеи не выбил. Но в тот раз иначе было. Нина разговаривала спокойным, ровным тоном, полностью держала себя в руках. Улыбалась. Не хамила в ответ на вопли отца. Это невероятно бесило. И меня, и сына. Поведение внучки выглядело издевательством. После того дня она начала вести себя с нами, ну... слов не подобрать. Как будто кающаяся грешница. Смиренная. Глаза в пол. На губах заискивающая улыбочка, и ведь переменялась в одно мгновение. Почему Игорь тогда сказал про слишком большое количество игрушек? Нина у меня в тот день спрашивала швейную машинку, я ей возразила: «Хватит, более не собираюсь зря деньги выкидывать. Побалуешься день и забудешь про шитье. Всегда бросаешь дело на полпути. Начала складывать пазл – недоделала, решила картинку вышить – кинула через полчаса пяльцы. Не клянчи машинку. Нет!» Она разрыдалась, обозвала меня жадиной, убежала... По привычному сценарию действие разыгрывалось. И вдруг! Через полчаса в комнате появляется другой человек. Пойдемте лучше в гостиную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.